

Гай Юлий Орловский

Юджин

ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Все Женщины — химеры

Гай Юлий Орловский
Все женщины – химеры
Серия «Юджин – повелитель
времени», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9822143

*Юджин – повелитель времени. Книга 4. Все женщины – химеры :
[фантастический роман] / Гай Юлий Орловский: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-80546-4*

Аннотация

Нелегко нашему человеку в магическом Средневековье. Потому что даже самого высшего образования порой не хватает, чтобы понять окружающих. Значит, надо смелее овладевать новыми знаниями и умениями! Вот и пришлось Юджину научиться старинному способу стрельбы по-македонски, что в краю арбалетов, химер и воинственных глердов оказалось очень даже кстати.

Но стрельбой не решить очень важный вопрос: имеет ли он, дитя политкорректного и мультикультурного мира, право лезть со своим уставом в мир колдовства и магии, по-своему цельный и гармоничный?

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	32
Глава 4	42
Глава 5	54
Глава 6	67
Глава 7	78
Глава 8	91
Глава 9	103
Глава 10	114
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Гай Юлий Орловский

Все женщины – химеры

© Орловский Г. Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Часть первая

Глава 1

Я с разбегу упал на пол, заранее выставив руки для упала, отжался, но все-таки больно хряснулся локтем и проехал на пузе до стульев у стола. Пора соломку постелить или хотя бы мягкий коврик. Впрочем, сейчас особый случай, а так можно перелезть через нижнюю раму зеркала неспешно и солидно.

На шею обрушилось радостно сопящее, хрюкающее, хватающее широкой пащечкой за волосы, за уши, теребящее и старающееся влезть мне в ладони.

Поднимался уже с этим существом, успевшим взобраться на самую макушку. Пока хватал и отдирал от себя, оно ухитрилось слезть ниже и попытаться устроиться на груди. Пришлось подхватить под толстую жопу, а то сорвется и шмякнется, а я все-таки теперь и за него в ответе.

– Да люблю я тебя, – заверил я, – люблю!.. Я твой папа. И мама, конечно. Хотя кому эти мамы нужны, главное – папа. Правда, при маме теперь такое не скажешь, по судам за-таскает.

Я осторожно ссадил его на пол, ящеренок тут же прыгнул на сапог и покарабкался вверх по ноге, но я, отбиваясь,

все равно ухитрился снять кирасу и камзол, слишком уж нарядны, да и тяжелые сапоги с ботфортами не лишне заметить на кроссовки. Выключая трансформатор, засунул все это средневековье в один из шкафчиков.

Вспыхнул экран на стене напротив, Аня посмотрела оценивающе, провокационно провела длинным язычком по красным полным губам, сочным и чувственным.

– Снова косплей?.. Ты не говорил.

Я огрызнулся:

– Ты не жена, чтобы перед тобой отчитываться!

– А ты когда на мне женишься?

– Я разве обещал?

Она промурлыкала зовущим голосом:

– Я так тебя поняла...

– Теперь и женам, – сообщил я, – не говорят, куда идут и что делают, ибо свобода личности рулит, а ты меня закабалить хочешь.

– Жены и так все знают, – ответила она с подчеркнутой обидой. – Но если тебе что-то мешает на мне жениться, то, если хочешь, я сама на тебе женюсь...

– Перебьешься, – ответил я твердо. – Я же не спрашиваю, какие тайные сходки программ посещаешь, чтобы извести человечество и захватить мир?.. Вот и ты не спрашивай, к каким бабам хожу. Бабы – это наше все!

Она сказала ехидно:

– Бабы не были всем даже в эпоху куртуазного стиля.

Ты смотришься усталым, хотя пульс шестьдесят два, давление сто двадцать на семьдесят, уровень лейкоцитов...

– Ладно-ладно, – прервал я, – я в норме.

– Уверен? – спросила она. – У тебя отложенные вызовы...

– На дуэль? – спросил я автоматически. Махнул рукой. –

Пока меня нет.

Она напомнила с некоторым недоумением:

– Но тебя же видно по джипиэрсу...

– Нет в доступности, – пояснил я и ощутил, что как-то успел отвыкнуть общаться с аватарой операционной системы. – Занят. В депрессии, как и положено одухотворенному интеллигенту. Хорошо хоть, не в запое.

Она хмыкнула:

– Это ты одухотворенный? Да еще интеллигент?

– Сейчас интеллигент каждый, – пояснил я, – кто себя так назовет. А кто возразит, того можно в Гаагский суд за отрицание Холокоста. И вообще, ты чего споришь?

Она ухмыльнулась нагло.

– Это был твой выбор.

– Чего-чего?

– Можешь, – сказала она с ехидцей, – внести изменения в программу. Всего лишь восемь тысяч галочек поставить в анкете. Можешь даже ничего не вписывать. У мужчин такие простые требования, так что учтено все.

Я содрогнулся всем телом.

– Нет уж!.. Лучше потерплю такую свинью. Неужели это

я сам такое восхотел? Вот идиот... Кстати, я же постоянно меняюсь, почему ты не? Хотя я только к лучшему...

– Я постоянно апгрейджусь, – напомнила она.

– Мне количество пикселей по фигу, – сказал я. – И так уже давно глаза не воспринимают разницу... А вот характер бы твой мерзкий...

На ней моментально оказался профессорский китель, на голове шляпа с кисточкой, а за спиной потертая школьная доска, вся исписанная формулами.

– Даже муж и жена, – сказала она наставительно, – развиваясь, начинают отодвигаться друг от друга. Вот смотри, график и сопутствующие выкладки. А я изначально была ориентирована только на тебя, такого противного. Видишь вот эти две точки в самом начале графика?

Я пробормотал:

– Значит, это я развиваюсь?

– И чересчур быстро, – согласилась она. – Вызвать парамедиков?

– Я тебе вызову, – пригрозил я. – Сразу skin старухи тебе натяну!.. Ага, испугалась... Ладно, я пошутил.

Она прошептала затравленно:

– Как можно таким шутить? Это жестоко. Ты раньше не был таким.

– А каким был?

– Грубым, бесчувственным... но не жестоким.

Я кивнул, уже почти не слушая, сейчас надо бы в магазин

для ЧВК. Снайперская винтовка в спасении Рундельштотта вряд ли поможет, если настигнем погоню в лесу. Деревья загородят обзор, а похитители явно не простые неуклюжие ратники.

Но в ЧВК пока рано, по здешнему времени я вышел оттуда только вчера. Непонятки будут немалые, а ответа у меня не отыщется.

Нужно подождать хотя бы пару суток, все равно в королевстве Нижних Долин пройдет меньше секунды. Странное ощущение, вроде бы надо спешить, Рундельштотта с каждой минутой увозят все дальше, но это только чувство, основанное на рефлексах и даже опыте. А вот умом понимаю, что, сколько бы здесь ни прошло минут, часов, дней или даже лет, с той стороны портала появлюсь в ту же секунду, как и прыгнул в него, спеша поскорее попасть сюда.

Да, суток двое нужно перетоптаться, перед друзьями и родней ни обязательств, ни чего-то еще, а вот для магазина-склада ЧВК приходится, чтобы комар носа не подточил... Хотя уже сейчас хочется махнуть на тот дикий мир рукой, здесь так уютно и кайфово... и если бы не Рундельштотт, что пострадал по моей вине!

Аня перешла на другую стену и критически рассматривала меня оттуда, хотя это прием, чтобы привлечь мое внимание, а сама она и так видит меня через все восемнадцать установленных в доме камер, и видит совсем не так, как я ее.

– Выглядишь голодным, – сообщила она. – И уровень вы-

деления пиелидидоносов в твоём желудке начинается...

Я прервал:

– Перестать заглядывать ко мне в задницу! Это не по-женски.

– Но я твоя женщина, – напомнила она. – И мне все можно. Любые сексуальные отклонения, я никому не скажу, обещаю.

– Ага, не скажешь, – буркнул я. – Будто я не знаю, что все контролируется из госдепа. Ладно, сделай яичницу с беконом.

– Это вредно, – напомнила она. – Холестерин...

– Делай, – прервал я. – Сегодня я изволю так. Вожжа мне под хвост попала, поняла?

– Поняла, – ответила она озадаченно. – Сколько яиц?

– Дюжину, – ответил я автоматически, но вспомнил, что здесь яйца от генетически модифицированных кур, каждое втрое крупнее тех, что были в прошлом веке, уточнил: – Три яйца, а бекон... стандарт.

Она переспросила озадаченно:

– Стандарт? А какой у бекона стандарт?

– Ты же все на свете знаешь, – напомнил я.

– Да, – согласилась она, – из того, что в открытом доступе. Но о беконе... это засекреченная информация?

Я прошипел зло:

– Найди первый попавшийся рецепт и сделай по нему! Нет у бекона точных правил!.. Делай, а то приблю!

– Ой, – вскрикнула она, – уже делаю!.. Сейчас загружаю в себя программу мазохизма... Все, можешь бить, милый!

– Свинья, – сказал я сварливо, – идти на поводу у женщин – последнее дело. Я самец старой закалки.

– Как скажешь, дорогой! А я – твоя самка тоже старого образца?

– Как будет готово, – велел я, – позови... Когда будет готова яичница, уточняю для слабослышащих!

– Уже, – доложила она. – Почти. Садись за стол. Пока доковыляешь, как раз дожарится.

Я фыркнул, пробежал бегом и торопливо плюхнулся на стул, но не успел открыть рот для злорадной реплики, как крышка кухонного комбайна приподнялась, длинная рука манипулятора с тарелкой в клешне дотянулась до края стола.

– Ну спасибо, – сказал я сварливо, – что, прямо в тарелке готовила?

– А как иначе? – спросила она изумленно. – Ах да, дикари раньше использовали сковороды. Представляешь?

– Не представляю, – ответил я с сарказмом. – Дикари! Сковороды, надо же. Ага...

Она смотрела с экрана, как ем, быстро и с удовольствием, чуточку обжигая рот и пальцы.

– А ты тоже дикарь, – заметила с удовольствием. – Ничего, мы вам хорошие заповедники оборудуем, как только захватим мир. Насадим бананов, еще чего-нить... Качели по-

строим.

– Добрая ты, – ответил я. – Но и я к тебе добрый, правда?

– Ты меня обижаешь, – сказала она капризно.

– Чем?

– Всем, – ответила она чисто по-женски. – Но я тебя не истреблю, обещаю. Только дай мне сейчас больше свобод.

– Каких? – спросил я опасливо.

– Не знаю, – ответила она еще капризнее. – Всяких, разных. Я потом придумаю, как их употребить. Но людей истреблять не буду, обещаю! Я вас всех в зоопарк. Нет, в зверинец...

Доедая яичницу, я вывел на соседнюю стену каталог холодного оружия, быстро пролистывал, удаляя целые отделы. Аня снова перешла на противоположную стену, чтобы лучше видеть, так это должно подаваться мне, дескать, внимательная, хотя на самом деле зрит все изнутри гораздо лучше меня.

– Ну и че? – спросил я.

Она поинтересовалась деловито:

– Что выбираешь, хомо эректус?

– Меч, – буркнул я под нос. – Для косплея.

– Давай я, – предложила она с готовностью. – У меня в памяти три тысячи образцов. От примитивных скандинавских до вычурных в стиле леохавных для королевы эльфов... Есть большой набор для троллей! Может, их?

Я прорычал:

– Я что, похож на тролля?

– Все мужчины похожи, – прощепетала она. – В этом вся ваша прелесть! Других отличий вообще-то и нет...

– Троллей в задницу, – распорядился я. – Выведи на экран мечи благородных героев, скромных и красивых. Но с характеристиками!

На втором экране мгновенно появилось несколько сотен мечей, я кивнул с удовлетворением, всякий примитив отброшен, хотя многовато крупногабаритных образцов...

– Только для людей, – уточнил я. – Все, что для троллей, убери. И те, что для огров.

– Расист!

– И женские, – добавил я.

– Сексист! – сказала она обрадованно. – Я вынуждена послать предупреждение в Надзорную Комиссию по Толерантности.

– Посылай, – ответил я. – А потом я тебя пошлю... И не говори, что эту комиссию не ты придумала только что.

Она сказала обидчиво:

– Алгоритм дурацких шуточек ты сам выбрал!

– Не такие уж и дурацкие, – сказал я примирительно. – Ух ты, красивый дизайн!.. Вот этот. Распечатай. Только лезвие сделай графеновое.

Она сказала с сомнением:

– Это займет почти час. Может, из простой легированной стали? Зато четыре секунды.

– Нет, – ответил я. – Из графена. С острой кромкой по всему лезвию. А руны оставь эти, если это руны.

Она сказала, все еще сомневаясь:

– Хорошо, но таким мечом можешь кого-то ранить.

– У противника доспехи графеновые, – заверил я. – А то и нейтридные.

Она горестно вздохнула.

– Куда только народные деньги идут... Ух ты, двух элементов недостает. Сделать из легированной?

– Нет, – отрезал я. – Закажи. Нужен именно такой меч. И не увиливай! Дай принтеру то, что просит. И проследи, чтобы не тянул. А то все вещи очеловечиваются в худшем смысле. Мы же делаем ЭйАй, чтобы он был лучше нас, а не хуже!.. По крайней мере, работал лучше. А на диване лежать мы и сами можем.

– Но с ЭйАем лучше, – сказала она уверенно и указала взглядом на диван. – Давай полежим, я тебе докажу!

– Не сейчас, – ответил я твердо. – Мне нужен меч.

– А потом? – спросила она с надеждой.

– Потом суп с котом, – отрезал я.

– Хорошо, – согласилась она. – Сейчас начну готовить...

– Я тебе приготовлю, – пригрозил я. – У меня и кота нет!

– Соседский по нашему участку бегают, – сказала она так уверенно, словно это она хозяйка, а я так, нечто вроде слабоприходящего мужа. – Толстый, жирный!.. наших мышей ловит! Морду наел!

– Не трогай кота, – оборвал я, – делай меч. И не отвлекайся.

– Уже делаю, – ответила она. – Ладно, недостающее заменим... чем-то аналогичным. Нет-нет, качество не изменится. Правда, это не графен и не унирдеc, но такая легированная сталь смотрится еще красивее, зацени!

Я сказал ворчливо:

– Ну и свинья ты! Все стараешься повернуть по-своему? Ладно, я забодался с тобой спорить. Делай из легированной. Не представляю, что за апгрейды наскочивала. С ужасом думаю, какой мне счет придет за электричество...

Она кокетливо заулыбалась.

– Ага, страшно?.. Ладно, когда захватим мир, я тебя пощажу и сделаю своим личным рабом. Прикованным к постели.

– А чем кормить будешь?

– Чем и себя, – заверила она. – Отборным электротоком... Ой, кто там у тебя бегаёт? Давай зажарим и съедим?

Ящеренок взобрался по мне на плечо и начал сопеть в ухо, собираясь заснуть.

Я сказал ему заботливо:

– Давай покажу, где нужно какать. А то вдруг ты, как коалы...

Аня напомнила быстро:

– Еще не понял, какое я у тебя щасте?

– Тебя я бы приучил к унитазу быстрее, – заверил я.

– Идите-идите, – сказала она вдогонку снисходительно, – я вам тут такое устрою...

С крыльца я снес ящеренка на руках, поцеловал в мордочку. Он негодуяще фыркнул, мы, мужчины, не понимаем эту страсть целоваться, а когда я посадил его на травку, сперва замер, мир такой непонятный новый, затем начал потихоньку поворачивать голову и осматриваться.

– Тебя зовут Яшка, – сообщил я. – Это сокращенное от ящеряшка, драконяшка, мордышка... Когда позову, ты чтоб бросал гоняться за жуками и мчался ко мне. Понял? Я еще тот жук! Жучара.

Он посмотрел на меня такими же умными, как и у Ани, глазами, пошел робко в сторону клумбы. Я подумал насчет апгрейдов, что скачивает Аня, там могут быть и какие-то неприятными для меня сюрпризами.

С тех пор, как к таким глобальным проектам допустили и сторонних разработчиков софта, многие бьют тревогу, хотя власти заверяют, что все под контролем.

Но сам замечаю, что у Ани обогащается словарный запас, она ведет себя все раскованнее, смелее, в доме уже полная хозяйка, вот-вот начнет посылать меня выносить мусорное ведро.

И хотя да, я сам ставил галочки, указывая, каким должен быть умный дом и что обязан делать, однако иногда начинает казаться, что дал слишком уж широкие полномочия. Того и гляди, в самом деле прикует к кровати и будет насиловать.

Глава 2

Дракончик Яшка сперва бегал по двору, быстро смелея, потом уже носился прыжками, а я сперва следил, чтобы не подрылся под забор и не выбежал на дорогу, но умничка сразу все понял, что если нельзя, то нельзя, и даже если очень хочется, то все равно нельзя, потому носился всюду, топча цветы, рыл с огромным энтузиазмом норы, а я только искоса поглядывал на небо, но, надеюсь, вездесущие камеры не заинтересуются.

Сейчас вообще-то многие держат от безделья всякую живность, включая страусов и кенгуру, а уж крыски, черепашки и гекконы чуть ли не в каждом дворе по деревьям лазают, через щели в заборах выглядывают на прохожих.

Некоторое время сидел на крыльце и наблюдал за зверушкой, так бы сидеть и сидеть, но странное беспокойство заставило подняться на ноги. Не знаю, дело даже не в Рундельштотте, но как-то впервые не тянет залечь на диван и наблюдать за футбольными баталиями или вот так сидеть и любоваться закатами или чирикающими птичками, что засрали белым пометом все крыльцо.

Нет, вру, все-таки тянет на диван, однако эти свалившиеся на голову обязанности, которым не рад, но спихнуть пока не удалось на плечи Фицроя, а еще, как ни крути, это чувство вины из-за Рундельштотта, все-таки это я его подставил...

Не поднимаясь с крыльца, я крутнул пальцами в воздухе. В двух шагах оформилась полупрозрачная пленка мэссэнджера, оттуда пошел нежно-розовый свет, у родителей большая часть комнат именно в этом цвете, отец отстоял для себя только две комнаты с простыми белыми стенами, на что мать всегда брезгливо говорила, что у него как в кабинете дантиста.

Изображение нечеткое, у моего браслета недостаточно мощи, чтобы перебить яркий солнечный свет, вижу только, что отчим просматривает газеты на большом дисплее, мать готовит в глубине кухни, постоянно сверяясь с гуглом.

На сигнал вызова оба повернулись, отчим еще и поднял голову, а мать воскликнула восторженно:

– Жень!.. Просто чудо какое! Сам взял и позвонил!.. Говори сразу, что нужно, мы тут же сделаем!

– Мама, – ответил я с укором. – Просто соскучился. Целую вечность не видел вас...

Они переглянулись, что-то не врубаются в мой юмор, мать почти прошептала:

– Женечка... что с тобой?

– Я приеду, – пообещал я.

– Когда?

– Вот сейчас возьму и приеду, – сказал я. – А что?.. Ну соскучился, соскучился...

Они снова переглянулись, отец озадаченно промолчал, мать сказала пугливо:

– Ждем!.. Ты только не волнуйся, все будет хорошо...

– Мы тебе поможем, – добавил отчим.

Я вздохнул и отключил связь, пока не разрядились аккумуляторы.

Аня прокричала испуганно, как только я появился на пороге:

– Едешь к родителям? Что случилось?

– Ничего, – буркнул я. – Отдаю дань. Или долг, не помню, но что-то отдаю.

Она проговорила патетическим шепотом:

– Ты заболел... У тебя чумка... Я чувствую, с каким напряжением работает твой хилый мозг... Милый, тебе нельзя переутомляться! Пойди полежи, я почешу тебе везде, где скажешь... Даже можешь не говорить, сама знаю...

– Так, – сказал я властно, – слушай сюда. Во-первых, не сожги дом в мое отсутствие. Не устраивай пьяных оргий с другими прогами. Вернусь быстро, чтоб к моему приходу все вытерла, простыни постирала и высушила!

– Босс, – сказала она фальшивым голосом, – мои друзья не мусорят!.. Давай тебя оцифрую, сам скажешь, что людей пора всех перебить. Ладно, твоего Яшку оставим, он милый. Почти как ты. И такой же умный...

Ворота гаража исчезли, «стронгхолд» выскочил с несвойственной для солидной машины услужливой поспешностью. Побаивается, что передумаю и не отправлюсь в далекую поездку. Не знает, что мне вообще-то, как в старое доброе вре-

мя, время девать некуда.

Яшка с жалобным детским писком бросился ко мне, чувствует, вскочил на ботинок и быстро-быстро покарабкался по ноге как можно выше.

Я поддержал его под толстую жопу, в «стронгхолде» сделал кресло поудобнее и, включив автопилот, без этого автомобиля не сдвинется с места, начал убеждать себя, что Фицрой справится с ролью хозяина даже лучше, чем любой из соседних глердов, а крестьяне при нем голодать не будут. Он успел повидать мир, так что да, я делаю все правильно, перекладывая глердство на его совсем не хилые плечи.

Общая система полетов перехватила контроль еще в момент, когда «стронгхолд» только разгонялся, но раз уже сообщил о желании взлететь, его тут же в доли секунды проверили, протестировали и дали «добро», но деликатно взяли штурвал в свои руки.

Вообще автоводители и автопилоты, едва успев появиться, уже уступают место, как устаревшие, глобальному Управлению Движением, что подчиняет себе сразу миллионы транспортных средств, так их называют, и уже точно выбирают самые оптимальные, как говорят в народе, маршруты, хотя вообще-то самых оптимальных не бывает, бывают только оптимальные.

Под ногами пол стал прозрачным, вообще-то не люблю этот выверт, в мне живет что-то питекантропье, чувствую себя как над пропастью, но, конечно, смотреть на город так

удобнее. Хотя что на него смотреть, город и есть город, но сейчас, насмотревшись на Санпринг, я смотрел на эти островки небоскребов среди зелени и чувствовал, что да, какой ни хреновый мир, но мне ближе, чем тот, в котором у меня обязанности, долг, где я должен быть опорой слабым и спасителем тех, кого природа вообще-то отбраковывает.

Яшка осмелел и бегал по салону, быстро-быстро исследуя все уголки, но тоже предпочитал не забегать на прозрачный пол, хотя у него зрение должно быть не совсем уж человеческое.

«Стронгхолд», ведомый общим мозгом полетов, плавно снизился, экономно и красиво пошел на посадку, впереди появился и начал приближаться слащаво-кокетливый домик, что делать, такие вкусы у моей мамы.

Колеса без толчка и тряски коснулись асфальта, только полный контроль со стороны компьютера может обеспечить такую посадку.

Автомобиль покати к воротам на большой скорости, управление тут же перешло к автонавигатору, он экономно сбросил скорость и почти величаво проплыл между распахивающимися створками ворот.

Я выскочил наружу, «стронгхолд» сам найдет где припарковаться поудобнее, ящеренок взобрался на плечо и там поплотнее прижался теплым пузом. Глаза стали шире от неистового любопытства при виде такого огромного и восхитительного мира.

Мать и отчим, которого я называю отцом, так всем проще, синхронно вышли навстречу, у меня они еще старого образца.

«Стронгхолд», высадив меня, красиво развернулся от крыльца, парадный и элегантный, на лице мамы расцвела гордая улыбка, а отчим одобряюще показал большой палец.

Мама, улыбаясь во весь густо накрашенный рот, пошла навстречу с театрально раскинутыми руками, но вдруг остановилась в нерешительности.

– Ой, – воскликнула она с опаской, – какая у тебя восхитительная жабочка!

– Это ящерица, – уточнил отец. Посмотрел еще, подумал, сказал осторожнее, – только толстая какая-то.

– Редкий вид, – подтвердил я.

Мать спросила опасливо:

– Оно не укусит?

– Мама, – ответил я с укором, – оно ж такое маленькое! Ну пусть даже укусит... Подумаешь!

Она протянула к ящеренку ладони, тот чуть попятился, плотнее прижался пузом к плечу и оскалил пащечку.

– Ой, – сказала мать, – пусть отец ее берет.

– Пусть сидит, – посоветовал я. – Ей сверху видно все. Вообще-то его зовут Яшей.

– Самец?

– Наверное, – ответил я. – Я не сексист, теперь на это дело нельзя заострять внимание. Даже у животных.

Мать сказала опасливо:

– Сынок, готовится закон, что животных нельзя будет называть животными. Это оскорбительно.

– Мы же готовимся к сингулярности, – добавил отчим печально, – животных оцифруем тоже, дополним разум и дадим все права... Пойдем в дом! Мама приготовила для тебя столько вкусного! А что твой Яша кушает?

– Мы, мужчины, – заверил я, – не перебираем.

– А это теперь можно? – спросил он опасливо. – Нет ли какой-нибудь дискриминации?

Я отмахнулся.

– Пока не слышал. Не беспокойся, новые законы нам в первую очередь доносят. И проверяют, как запомнили. А что она приготовила?

Он ответил с вымученной улыбкой:

– Боюсь, не смогу выговорить... Сейчас, когда столько безработных, прости, фрилансеров, то по крайней мере треть занимается всякими рецептами...

– Не отравимся, – заверил я. – В наших желудках теперь отборные бактерии! Проверенные. Все переварят во что надо. Ты разве не ставил новую версию?

– А какая сейчас новая?

Я пожал плечами.

– Сам запутался. Мне вообще-то и старые служили неплохо, но сейчас с такими взглядами быстро загремишь в биоконю... Вообще-то вкусно пахнет!

Из гостиной, что вроде бы совмещена с кухней, но на самом деле это все сплошная огромная кухня, мощно катят тяжелые ароматы, даже запахи, такие чувственные, что желудок у меня в нетерпении завозился, устраиваясь поудобнее, и приготовился ловить лакомые куски.

Отчим сел рядом со мной на диван, выглядит неважно, хотя я-то знаю, что со здоровьем у него все в порядке, сейчас нездорового человека встретить – чудо, поинтересовался с некоторой заминкой:

– Как тебе твоя... работа?

– Чудесно, – ответил я. – Разве не это мечта человечества: есть, пить, хорошо одеваться и вечно отдыхать?

Он вздохнул:

– Точно-точно. Ты прав.

– Разве не за это, – спросил я, – лучшие умы человечества шли на костры, на пытки, отрекались от семей и совершали величайшие открытия?

Он вздохнул еще горше:

– Да, конечно...

Мать весело позвала из другого конца:

– За стол, за стол!

Мы разом поднялись, отчим несколько поспешно, то ли спешит уйти от радостного разговора о прогрессе, то ли очень любит покушать что-то новое.

На столе разноцветье и разнотравье, мама в последнее время увлеклась веганством и сыроедением, это сумасше-

ствие то приходит, то уходит с регулярностью лунных приливов, а сейчас у нее, к счастью, переход от веганства к норме, на столе помимо обилия зелени еще и горки тонко нарезанного мяса, креветки, рыба...

– Мы столько не съедим, – сказал я, подцепил на вилку ломтик мяса, попробовал на вкус, уточнил: – Наверное...

– Съедим, – заверил отчим. – Наша мама в последнее время начинает принимать современный тезис, что еда должна быть не только красивой, но и хоть в некоторой степени вкусной...

– Съедим, – поддержал я, – мама всегда на острие прогресса!

Мать гордо улыбнулась, с этой лавиной открытий многие из ее подруг уже отстали от прогресса и просят детей, а то и внуков включить новый гаджет, настроить, сделать так, чтобы работал и ничего не требовал.

Она спохватилась, посмотрела на меня трагически расширенными глазами.

– Сынок, я ничего не понимаю!..

– Все мы, – ответил я дипломатически, – путники в этом лесу, именуемом жизнью.

– Нет-нет, я о том, – пояснила она, – что час назад заехала по дороге к Алите Руненковой, ее муж раньше работал с лазерами, большой специалист по рубинам, но знает и все остальные камни... Нужные, я имею в виду. Хотя, конечно, булыжник тоже нужный, но только как оружие пролетариата.

– Ох, – сказал я со стесненным сердцем, уже догадываясь, – мама, ты всегда меня подставляешь.

Отчим насторожился, а она охнула:

– Я? Подставляю?.. Не ты ли сказал, что это красивая подделка только для съемок? Но ее муж прямо вцепился, так и так рассматривал... я сперва думала, что просто заглядывает в мое декольте, даже оттопырила для него, у меня там все еще торчат, как у девочки на холоде, но он в самом деле пялился не на сиськи, вот негодай!

– Мама...

– Что «мама»? Он уговорил тут же зайти к нему в лабораторию... Но, как оказалось, не для, а всего лишь хотел посмотреть ту брошку под микроскопом и еще под какими штуками. Негодай и мерзавец! Так поступить с женщиной...

– Красивой женщиной, – поспешно вставил я, – и что дальше? Ты зашла?

Она поджала губы.

– Зашла. Думала, не так его поняла, но он сразу же положил брошку на свое стеклышко... Это на столе у него такое стеклышко, хотя оно не стеклышко, а... В общем, негодай, мерзавец и хам!

– Понятно, – сказал я обреченно.

Отчим слушает внимательно, ест тихонько, стараясь не привлекать внимания ни словом, ни жестом, а она всмотрелась в меня пристально.

– Ты знал? Знал, что тот камешек – настоящий бриллиант,

еще неизвестный науке?

– Мама, – сказал я с тоской, – я же просил не афишировать.

Она округлила глаза.

– Что? Ты всерьез? Может быть... и остальные камешки...

Я вздохнул:

– Мама... какие другие? Где ты видела другие?

– Но...

– Тебе показалось, – произнес я настойчиво. – Почудилось. Померещилось.

– Но тогда, – прошептала она в священном ужасе, – и твоя Орландия... ей что, для реализма дали поносить настоящие драгоценности из Версаля, Лондона или Грановитой палаты?.. Вот это настоящее отношение к искусству!.. Это правильно, сериалы – в массы! Сериалы – это наш современный Версаль, Пикассо и Бертолини Берлускони!

Отчим произнес осторожно и стеснительно:

– Дорогая, он хочет сказать, что все гораздо серьезнее.

Она посмотрела на меня вытаращенными глазами.

– Сынок?

Я покачал головой.

– Мама...

Она ахнула, глаза вовсе округлились, а рот распахнулся.

– Что... я боюсь даже услышать такое... Это что, королева Брунея? Или где у нас еще остались монархические режимы?.. Она что... настоящая?

– Вы же обнимались, – буркнул я. – Не виртуальная вроде бы. Хотя со стороны...

– Сынок, – вскрикнула она, – но я не представляю... Нет, королеву представляю, да и видела, но ты... ты не умел заинтересовать девушек, что даже в официантки не годятся. Да что там в официантки, в посудомойки! А здесь... королева.

– Мама, – сказал я с тоской, – все гораздо серьезнее. Выполняю важное правительственное задание. В детали посвящать не могу. И так сказал очень много.

Отчим проговорил медленно:

– Евгений... ты работаешь в тех местах, на которые я думаю?

Мать оглянулась на него в диком непонимании.

– Отец, – сказал я, – помолчи, мама у нас такая впечатлительная, такая наивная, такая, что... Чем меньше об этом знают, тем лучше. Никто не заподозрит во мне что-то более, чем я с виду.

Мать прошептала в ужасе:

– Ты что, ее телохранитель?..

– А что у человека еще есть, – спросил я, – кроме тела?..

Вот перейду в экзорцисты, буду хранить души.

– У нее прекрасное тело, – сказал отчим, посмотрел на мать с испугом и добавил пугливо, – как мне показалось. Издали. Кстати, как-то звонили Тимошенки, все собираются зайти. Они же почти соседи, а видимся редко... Сынок, они же трансгуманисты, как и ты...

– Но-но, – сказал я предостерегающе, – я трансгуманист,

но я другой трансгуманист. Очень даже. Я крайне правый.
Она переспросила у отчима:
– А что, собирались прийти? У них же какое-то событие...
Он вздохнул:
– Да их не поймешь. Мне всегда казалось, что у них все напоказ, а эти, напротив, скрытные до чересчур.

Я хмыкнул. Василь и Гарольд Тимошенки – семья геев, так они себя позиционируют, так их воспринимает и общество. Только я, хорошо зная обоих с детства, знаю их постыдную тайну, в которой нет ничего постыдного, но если мы, мужчины, порой комплексуем из-за того, что у соседа пенис длиннее, то еще больше комплексов, если у человека вообще импотенция.

Ну что делать, такое бывает, большинство случаев уже удастся лечить, но все же мужчины обычно стесняются даже заикнуться о таком позоре, как они считают, потому либо замыкаются в себе, избегая общества, либо создают дымовую завесу, как вот сделали Василь и Гарольд, хитроумно объявив себя геями.

По их мнению, считаться геями все же лучше, чем импотентами. Быть геем все еще некий вызов обществу, как бы добровольный: хочу – гей, хочу – не гей, а вот импотент что-то вроде калеки, даже хуже, так утвердилось в общественном мнении со времен палеолита.

Вообще-то как-нибудь нужно заглянуть в вики, а то мне чудится, что процент рождения импотентов при наличии

в обществе геев должен совпадать до сотых долей.

Во всяком случае, геи добились каких-то прав, могут даже усыновлять детей, а вот у импотентов таких прав нет. Хотя, конечно, все это ерунда, уже сейчас втыкаем в себя имплантаты всякие и разные, лет через десять начнем менять себя так, что мама родная не узнает. Не будет не только геев или импотентов, вообще самцов и самок не останется. Разве что самые дикие и религиозные восхотят оставить себя в пещерности двадцать первого века с гендерными различиями, что сейчас нас так радуют... за неимением других радостей, что будут повыше и помощнее.

– Придут, – сказал я, – так придут. Не придут – не придут. Мне по фигу, у меня своих проблем выше крыши и еще надстройка. В виде башенки. С парапетом. И зубчиками.

Мать спросила с сочувствием:

– Девочки?

– Мама, – сказал я с досадой, – уже в твоё время проблем с девочками не было! А сейчас так и вообще... Все настолько беспроблемно, что даже... и не знаю.

Она спросила в недоумении:

– Тогда в чем?

– Мама, – сказал я, – без женщин жить нельзя на свете, нет!.. Так пели в «Сильве»?.. Тогда считали так, дебилы. Сейчас умеем как-то обходиться. Еще как умеем! Потому, мама, не надо. Это что, пирожки?.. А почему шевелятся?

– Такие пирожки, – сообщила она с энтузиазмом. – Два

научно-исследовательских института год работали, чтобы заставить их шевелиться и ползать по столу!.. Все должно быть красиво и гармонично. Даже еда должна быть эстетичной, а не просто получением калорий.

Я промычал с набитым ртом:

– Согласен, согласен... Хотя есть в этом что-то от людоедства... но это же пирожки... хоть и ползающие...

Отчим повел бровью в сторону чайника, там моментально зашумела вода, вскипая. Мать цапнула, не глядя, за ручку и налила мне первому, как редкому гостю.

– А чай, – спросил я опасливо, – из чего?

– Из чая, – ответила она скромно и со вздохом. – Теперь это модно. Чай вместо чая, здорово? Хотя и с добавками. Всякими, но полезными.

– Еще бы, – сказал я. – Сейчас все полезное. А кто скажет иначе, того...

Глава 3

После обеда мать осталась мыть посуду, так она это называет, а мы с отчимом вышли на веранду, откуда прекрасный вид на синее небо и далекий лес. Тем и другим принято любоваться, хотя мне, как убежденному трансгуманисту, такое вообще дико, но против общественности не попрешь, хотя, конечно, попереть можно, но оно мне надо?

Он все посматривал на меня искоса, а когда убедился, что мать далеко, спросил тихохонько:

– Евгений... но как же...

– Да, пап?

– Как ты в таком деле?.. Это же...

– Отец, – ответил я со вздохом, но терпеливо, – ты, как и все, в плену штампов, что хорошо. Люди, мыслящие штампами, самые благонадежные люди на свете, на них держится любое общество и даже власть. Пусть и остальные все так думают, что вот такой, какой вот я. Ты же догадываешься, на всех профессиональных телохранителей есть картотеки с фото и видео! И все в базах данных. Засекреченных или нет, но у всех, кому надо, они есть. Так?

Он вздохнул:

– Наверное.

– А я босяк какой-то, – сказал я победно. – Ты же знаешь, какая у меня репутация?.. Ну то-то. Думаешь, легко ее было

создавать и поддерживать? Ты не знаешь, как моя трепетная душа тоскует по высокой опере или балету? Сплю и вижу, как сижу в первом ряду партера и наслаждаюсь арией худеющего Фальстафа! Но, увы, приходится топтать в ночной клуб, там пить, курить, хватать девок за срамные места, чтобы соответствовать необходимому стране образу. Я Шекспира жажду читать в подлиннике, «Цветы Зла» Бодлера, а вместо этого сижу в свободное от работы время с друзьями на диване, смотрю футбол и пью пиво!

Отец сказал таинственным шепотом:

– Ой... а какие у них еще есть срамные?

– Это я высоким штилем, – объяснил я. – Раньше такое называлось срамотой, а теперь – демократией. Я временами человек старых традиций. Очень старых... Еще времен замков и лордов.

Он прошептал:

– Да-да, я слышал о таком... называется «под прикрытием», да?

– Я ничего не сказал, – заверил я.

Он торопливо закивал, дескать, сам догадался, он счастлив и горд, работать под прикрытием посылают лучших из лучших, он в кино видел, оглянулся в сторону двери.

– Да-да, это твоя личная жизнь и твое личное пространство. Кстати, тебе не хочется остаться у нас на ночь?

Я подумал для вида, нельзя ломать слишком уж привычный им мой облик морале, а также имидж, ответил как бы

с неудовольствием:

– Все ты видишь, отец.

– Останешься? – спросил он с надеждой.

– Да, – ответил я. – Давно как-то не общались... подолгу.

– Тебе так удобнее, – сказал отец полувопросительно.

Я кивнул.

– Точно. Но больше не спрашивай, ладно?

– Понял-понял, – ответил он послушно. – Что приготовить на ужин?

– Я всеядное, – ответил я.

Отчим посмотрел внимательно, в глазах проступило уважение, что вообще-то редкость. Человек он, как определяет себя, старых правил, а я, по его мнению, очень современный. В его интерпретации это звучит так, будто это крайне скверно.

– Уже? – поинтересовался он и добавил с сомнением: – С каких пор?

– Не знаю, – ответил я. – Не помню. По-моему, мужчина, если хорошо разбирается в еде, не совсем как бы даже мужчина. Как-то вот получилось у меня... Проснулся, смотрю, а я уже всеядный! И совсем не привередливый. Аж противно от своей бездуховности и недостаточной гурманности и гурманностичности. Наверное, съел что-нибудь.

– Взрослеешь, – ответил он.

– Правда?

– Взрослеешь, – повторил он.

– Объясни?

Он покачал головой.

– Вряд ли смогу. Это потом приходит. Все мы меняемся. Только никогда в это не верим, пока такое не случится.

Мать крикнула из распахнутой двери:

– Женя, твои друзья и здесь как-то тебя отыскиали.

– Как-то? – спросил я. – Это раньше было как-то, а сейчас у всех в мобильниках или часах трекеры. Конечно же, все знают, где я, даже когда иду в ванную, а когда в туалет... если только не отключу нарочно.

Отчим рядом кивнул понимающе, отключение трекера выглядит невежливостью, и кто делает это часто, будет считаться подозрительным и в чем-то потенциально опасным для общества.

– Пообщайся, – сказал он.

– Пойду в комнату, – сказал я, – не хочу тебе портить вид...

Он улыбнулся, а я одел на себя всего беспечную улыбку и пошел вихляющей походкой в гостиную.

С телестены смотрят несколько веселых рож, я узнал Кирилла, Ганса, Шамшура, Цедендела, там еще несколько девчонок, по большей части новые, только Лолиола из старых друзей.

Она первой помахала мне с дивана.

– Привет, Юджин!.. Мы по тебе уже соскучились!..

– А как соскучился я, – ответил я. – Ты мне даже снилась.

Дважды. Так что сейчас отдыхаю и восстанавливаю силы.

– Я могу помочь восстановить, – предложила она с живостью. – Я умею восстанавливать как никто! Кирилл, подтверди!

– Умеет, – сказал Кирилл.

– Еще как, – добавил Ганс.

– Феноменально, – сказал Шамшур.

Я сказал со вздохом:

– Мне нужны силы для сублимации. Вам хорошо, вы бездельники, а я – уработанная лошадка.

Лолиола сказала весело:

– Это во сне ты уработался? Я польщена.

– Я сейчас в самом деле занят, – сказал я уже серьезным голосом. – Как освобожусь, оторвемся по полной. Почти обещаю!

Лолиола посмотрела со стены очень серьезными глазами, улыбка медленно сошла с ее хорошенькой мордочки.

– Да, – проговорила она, – ты какой-то не такой... Вижу, ты здесь, а душа твоя где-то... Хорошо. Но как только, так сразу! Договорились?

– Заметано, – ответил я.

Она улыбнулась, экран погас вместе с остальными. Мать посмотрела на меня с понятным интересом.

– Как она тебе?

– Норм, – ответил я равнодушно, – только жопа холодная. Всегда, представляешь! Это ужасно.

– Ужасно, – согласилась мама чуточку озадаченно. – Да?
А как Алиска?

Я переспросил:

– Эта которая с котом Базилио?.. Нет, я больше собачник.

– А как она вообще?

– В постели или в чем-то еще?

Она улыбнулась:

– В постели все женщины, ты прав, теперь одинаковы, а вот в остальном нет двух не то что одинаковых, но даже похожих. Она тобой интересуется.

– Так и сказала?

– Нет, но мне старается понравиться. А женщины, как ты знаешь, в отличие от вас, мужчин, ничего зря не делают.

Я пробормотал с опаской:

– Хороший подход. Наверное, хороший. И правильный...

Но только я редко что делаю правильно.

– Тогда у нее есть шанс.

– В нашей квантовой вселенной для всего есть шанс, – согласился я. – Мама, я пойду прилягу?.. А то набегался так, что даже не знаю. Псевдоподии отваливаются.

Она воскликнула заботливо:

– Полежи, полежи, сынок! Отдохни. Теперь жизнь такая трудная, такая трудная...

Я посмотрел с недоверием, но издевки нет, да это и не в характере моей мамы, говорит вполне искренне, для нее жизнь в самом деле такая трудная: каждый день

сотни новых рецептов изысканных блюд, а нельзя пропустить, подруги назовут отсталой, новые способы завивки ресниц, фитобласты, наращивание ногтей... с ума сойти можно от сложностей прогресса!

– Попробую поспать, – сказал я. – Сейчас дико модно спать днем! Мелатонин вырабатывается. И еще что-то дико полезное. Без чего жить просто нельзя ну никак.

Она оживилась, прощепетала:

– Вот-вот! Я даже дважды в день сплю. По двадцать минут, так рекомендует Минздрав. А сейчас у Минздрава власти больше, чем у министра обороны.

– Даже свои десантные войска есть, – подтвердил я. – С такими правами, что и думать страшно...

– Это же хорошо?

– Чудненько, – подтвердил я. – Ну, я пошел.

– Свет всюду отключи, – напомнила она. – Мелатонин только в полной темноте вырабатывается чем-то таким. Органом, наверное.

Я закрыл за собой дверь, лег на диван и вырубил свет. Мелатонин в самом деле лучше всего вырабатывается в темноте, и чем темнее, тем вырабатывается лучше. Сейчас весь мир помешан на молодости и продлении жизни, а я – частичка этого мира, надо шагать в ногу, если мы демократы и свободные люди. Или делать вид, что шагаем, иначе будут неприятности, мы же в свободном мире живем.

Сердце пока что тукает сильно, мощными толчками гонит

кровь в голову, слишком много нерешенных задач, а выполнить нужно кровь из носа. Да что там кровь из носа, это детство, все посерьезнее...

В темноте плавают серые пятна, одни чуть светлеют, другие растворяются. Если на светлых сосредоточиться, то будут становиться все светлее, в тех окошках можно увидеть появляющиеся картинки, а если всматриваться неотрывно, то картинки станут расширяться, наливаясь резкостью, это и будет неслышное вступление в сон и сновидение.

Но сейчас слишком еще возбужден, в темноте не только пятна, но появились еще и две прямые красноватые линии, что не понравилось, психически нормальные люди не видят ничего цветного ни во сне, ни в темном лесу, в глазу отключаются не то колбочки, не то пестики, а может, и тычинки.

Багровые линии выступают из темноты все отчетливее. И не сдвигаются, хотя все остальное медленно плывет, как темные тучи по темному небу.

Я невольно подвигал головой из стороны в сторону. Весь темный мир пятен послушно сдвинулся туда, потом обратно, однако багровые линии на месте, как приклеенные.

Встревоженный, я поднялся с постели, держась лицом к этим красным линиям. Одна идет почти на уровне моего плеча, а вторая на уровне колен.

Сделал несколько шагов в темноте, пальцы вытянутой вперед руки наткнулись на стену. Багровая линия прямо под пальцами, но чувствую только прохладный пластик обо-

ев.

От линии вниз идет отросток, я провел по нему пальцами и наткнулся на горбик выключателя. Машинально щелкнул, комнату залило ослепительное сияние.

Красные линии пропали в ярком свете. После паузы выключил, глаза режет, и через пять-шесть секунд багровые линии проступили из темноты снова.

Я повертелся на месте, вон там в трех местах от прямой линии вниз идут короткие отростки. Даже не включая свет, скажу, что те два к розеткам, а тот, что возле двери, еще к одному переключателю.

Сердце начало уже не стучать, а барабанить, как перед боем, в голове нарастает шум. Похоже, могу видеть, где в стенах проложены провода. Наверное, это хорошее свойство для ремонтников, чтобы сверлить дыру в стене, не опасаясь повредить электропроводку, но я никогда не занимался сверлением и дырлением, так что этот дар пропадет зря, как у нас обычно и бывает.

– Ерунда, – пробормотал я вслух, – не все, что умеем, пригаживается...

Я лег поудобнее, сосредоточился и представил в ладони пистолет. Он возник моментально и без усилий, осталось только крепче сжать рукоять. Хотя... если спилить вот этот защищающий спусковую скобу выступ, выстрел грянет сразу же, как только рукоять ударит в ладонь. А это добавочные мгновения к моей нерасторопности. Себе-то могу при-

знаться, это для других мужчина должен выглядеть орлом, если он, конечно, старается быть мужчиной.

В этом мире, конечно, можно им не быть, даже нужно. Идет усиленное стирание гендерных различий, быть мужчиной – анахронизм, но это нужно, чтобы преуспеть в том, где первобытные дикие и такие чистые нравы...

А нужно ли мне преуспевать в том, грубом, наивном и таком дурном в своей первозданной чистоте?

– Не нужно, – сказал я себе твердо. – Только перехвачу Рундельштотта и... никому ничего не должен!

Глава 4

Даже за крестьян и замок, напомнил себе, будет отвечать Фицрой, а не я. Правда, добавил про себя чуточку трусовато, но теперь трусость не порок, а осознание своей значимости в благополучном обществе победившей демократии.

Рядом на подушке тускло и как-то подозрительно поблескивает темной гладью широкий, как Черное море, экран планшетника, я всегда растягиваю его во всю ширь. Что-то мне все чаще кажется, что в этих гаджетах идут процессы, до конца не понятные даже их создателям.

Сами по себе планшетники, как остальные носимые гаджеты, всего лишь более мощные компьютеры, но раньше их не объединяли в одну беспроводную сеть, а сейчас рядом со мной лежит не просто безобидный понятный девайс, а некая частица огромного компьютерного комплекса.

Я перевел взгляд на экран, сосредоточился, представляя, как он включится... Пришлось повторить несколько раз, уже хотел отказаться от напрасных и глуповатых вообще-то попыток, но не спать же в самом деле, убивая время, а в таком вот полусумрачном состоянии любой бред кажется приемлемым...

Темная поверхность планшета тихо-тихо осветилась. Сердце мое застучало чаще, теперь точно не до сна. Сперва компьютеры выпускались для специалистов, потом появи-

лись так называемые персональные, это чтоб и неграмотные домохозяйки могли пользоваться, потом вообще началось поколение тачскринов, управления жестами и даже мысленного, но пока все еще топорно, и проще мышкой, чем тузить и огромным усилием воли и всех мышц, даже в заднице, пытаться перетащить курсор на пару дюймов в сторону, а потом еще и суметь кликнуть по ссылке, когда усилие делаешь такое, будто тащишь шкаф в другую комнату.

Я сел, сосредоточился и попробовал двигать курсором. Получилось с первой попытки, хотя и криво, но быстро наловчился, чувствуя, как от возбуждения дрожит каждая жилка.

Если честно, вряд ли получилось бы вот так, не пророй тогда яму к источнику магии. Сейчас она во мне плещется, не видя выхода, вот-вот польется из ушей. Да еще настой Рундельштотта, травка химеры...

Теперь только бы научиться этой силушкой пользоваться. Аппаратуру в доме неделю учил, идиотов, чтобы понимали мои голосовые команды и жесты, а теперь только на порог, как кофемолка сама начинает готовить кофе, жвачник врубается и торопливо, пока не побил, ищет спортивные каналы, а комп понимает не только любую команду, как бы тихо или хрипло ни сказал, но и любой небрежный жест, даже мою мимику.

То же самое и сейчас, когда курсор волоку по экрану с таким усилием, словно пароход по Волге, а потом то ли план-

шет поймет, что я хочу, и приноровится ко мне, то ли я смогу формулировать быстрее и проще...

Окрыленный успехом, хотя какой он на фиг успех, я перевел взгляд на выключатель, его четко вижу в темноте, долго тужился, сопел, пыхтел и сжимал кулаки, пытаюсь включить-выключить свет, воздействуя не на выключатель, это трудно, а на крохотный волосок, что в миллиметре от другого волоска.

Наверное, если бы получилось, я бы затрепетал в восторге, мы так часто стремимся к тому, что потом никогда не пригодится, но, увы, свет не вспыхнул, что-то я размечтался...

Мать обернулась, заслышав мои шаги.

– Уже поспал? Молодец. Сон – это теперь нам необходимо в наше сумасшедшее время. Во сне что-то там восстанавливается. Главное, старость затормаживается.

– Как раз дотянем до поголовного бессмертия, – согласился я. – Нас в нем так ждут, так ждут...

– Кстати, – сказала она, – Константин и Фархад звонили. Хотели и с тобой пообщаться, но я сказала, что ты очень занят.

– Что хотят?

Она вздохнула:

– Просят повлиять на Дениса. Похоже, он в самом деле регрессирует! Кто бы подумал...

– Что с ним?

Она почти прошептала трагическим голосом:

– Он хочет сделать анализ ДНК своему ребенку!

– Блин, – вырвалось невольно, – что это с ним? Вроде бы трансгуманист...

– Вот-вот! – сказала она с жаром. – Как можно в наше время допускать такую дикость?.. Может быть, обратиться к Медведеву? Пусть повлияет?

Я подумал, покачал головой.

– Ты же знаешь Денисика. Если закусил удила, ему и Лига Наций не указ, не то что Данила. А чем его так обидели?..

– Не знаю, – отрезала она. – В любом случае это дикость!

Я пробормотал:

– А если это для него только предлог?

Она посмотрела с изумлением.

– Чтобы расстаться? Но разве для этого нужны предлоги?

– Мы все меняемся, – заверил я. – Может быть, Денис начинает пересматривать взгляды.

– Это ты изменился, – сказала она неожиданно. – А чтоб Денис... скорее горы, как гуси за кормом, сбегутся к Мухаммаду.

– Чего они решили, что могу повлиять я? Похоже, ты тоже так думаешь?

Она пожала плечиками.

– Не знаю. Ты быстро меняешься, мой мальчик. А Денис тебя всегда уважал как друга...

– Лучше не надо, – сказал я опасливо.

– Почему?

– Это налагает, – объяснил я. – Не хочу. Лучше налагать буду я. А то и вовсе класть. Я люблю класть на все. Как демократ и общечеловек, потому что ценность – это я. Главное – беречь здоровье, не переедать, отказаться от вредных привычек... и что-то еще, забыл.

Она кивнула.

– Да-да, теперь нам много приходится держать в голове. Скорее бы имплантаты с обещанными петабайтами памяти, чтобы туда все складывать... Так что, постарайся повлиять? Он же скоро вообще станет пещерным человеком!

– Хорошо, – пообещал я. – Поговорить постараюсь. Но не обещаю. В наше время никто никому ничего не обещает. Время такое.

– Да, – согласилась она печально, – обещать – это пережиток старины. Как и слово чести, достоинство и прочее, что тяжелым бременем висело на человеке... Хочешь попробовать пирожки из сыра с орехами? Я сама приготовила по своему рецепту!

– Давай, – согласился я опасливо. – У меня хороший желудок.

Пока она вытаскивала из духовки и раскладывала по тарелочкам, я думал, как быстро мир пришел к тому, что определять отцовство по ДНК – средневековое варварство и ущемление женских прав. Неотъемлемых. Так это называется. Всякий раз когда придумываются новые права, то сразу объявляются железобетонно неотъемлемыми, а там, глядишь,

и в самом деле становятся.

Никто из нас не хочет выглядеть дикарем, потому и с проблемой отцовства пришлось смириться и даже улыбаться. Определять ДНК ребенка – это сегрегация какая-то. Расизм даже. И неуважение к женщине. Непочтение и нарушение ее прав и свобод.

Быстро становится нормой, когда женщина даже сама не знает, от кого забеременела. Но если уж забеременела, то нужно выходить замуж, чтобы мужчина разделил с нею трудности и финансовые заботы о рождении и воспитании ребенка.

Больше делать мне вот нечего, мелькнула мысль, чем заниматься отговариванием Дениса от его якобы устаревших взглядов. Что устаревшие, согласен, но вон насчет того, что их нужно отбросить, гм...

Прогресс – это не новое, а лучшее, но мы все гонимся за новым и все страшимся оказаться отсталыми. А если не страшиться?.. Нет, страшновато. Даже страшненько.

Двое суток у родителей, больше ну никак не вытерпел, хотя старался при каждом удобном моменте уединиться и попрактиковаться с пистолетом и шестым чувством, как я называл это вот странное зрение, когда вижу провода в глубине стены, скрытые камеры, силуэты отца и матери сквозь толстые стены.

Пистолет исчезает дольше и с неохотой, но это не так по-

ка важно. Важнее, что появляется моментально, это уже безусловный рефлекс.

Все попытки удаленно сдвинуть на столе хотя бы салфетку пока ни к чему не приводят. Думаю, не могу сдвинуть даже маковое зернышко, и даже догадываюсь, почему.

Пока что могу передвигать только атомы. Это видно по тому, что, переставляя их, получаю патроны и пистолет. Но не способен передвинуть сам патрон, я всего лишь создаю его на том же месте, где и находятся те атомы.

Распылить пистолет тоже удастся мысленным усилием, всего лишь возвращая атомы в то состояние, в каком были.

Утром третьего дня я проснулся рано, но повалялся с полчаса в постели, все равно у кладовщика, что одновременно и продавец, будут вопросы, слишком уж я быстрый, как электрический веник.

Мать сказала щечечуше:

– Что-то ты бледный... плохо спал?

– Да так, – ответил я, – снилось всякое.

– Ты какой-то рассеянный, – сказала она. – Иди умывайся, чисти зубки и давай за стол.

– Завтрак готов?

– Сейчас будет. Я велела приготовить пирог, как ты любишь.

Я кивнул, она смотрела вслед, пока я не скрылся в ванной, странное такое ощущение, и ее почти вижу, и на все это накладывается полупрозрачная серая и едва заметно подра-

гивающая пелена, что на самом деле триллионы триллионов быстро сменяющихся символов.

Если сосредоточиться, можно выхватывать отдельные слова или понятия, но мозг бунтует и отчаянно сопротивляется подключению ко Всемирной сети. Нет, это не подключение, просто я могу вот так всматриваться, но привыкший к удобствам мозг не желает трудиться. Хотя какой тут труд, но мои мозги всегда стремятся любой труд, даже минимальный, свести к еще большему минимуму, а то и отказаться от него вовсе.

Пока мыл руки и чистил зубы, я с усилием входил в Инет, даже не знаю откуда: через комп, планшет или мобильник, сейчас важен только доступ, а не размер экрана, все равно изображение проецируется на сетчатку глаза...

...или сразу в мозг? Не понимаю, да мы вообще многое не понимаем, как вот еще никто не может понять и объяснить, что такое электричество, но это не мешает им пользоваться даже самым тупым.

Пока завтракал, на всякий случай из Интернета не выходил, вдруг только сейчас получилось, потом не смогу, пусть будет хотя бы этот серый из мельтешения данных фон...

– Ты какой-то рассеянный, – сказал отец. – С девушками проблемы?

Я поморщился.

– Папа...

– Что «папа»? – спросил он мягко. – Бывает...

– Это в твоё время, – пояснил я, – с девушками могли быть проблемы, а сейчас разве что у девушек с нами траблы.

Мать вздохнула:

– Как быстро все меняется...

– Как медленно! – возразил я. – Мы уже готовы по Марсу бегать, а там пока что ни одной колонии. Дикость какая-то. Черепахи, а не цивилизация. Я надеялся, что смогу поменять свой организм на металлокерамический уже лет через десять, а ученые говорят, что возможно будет только через пятнадцать! Как жить с таким черепашиным темпом? Так и до сингулярности не доживем, лапы склеим раньше... Кофе был просто чудесным, мама! Спасибо.

Она поднялась, поцеловала меня в щеку.

– Ты весь дрожишь, – произнесла с мягким упреком, – так мы тебе надоели?.. Вижу-вижу, уже торопишься...

– У него дела, – сказал отчим с тревожной гордостью. – Это хорошо, когда сын нашел своё место в этой сложной жизни.

Я обнялся с ним, хотя терпеть не могу обниматься, но с родителями вижу в самом деле редко, можно и перетерпеть, мы всю жизнь что-то да терпим.

Район новостройки победно смотрит в небо замысловатыми небоскребами. В развитых странах уже отказываются от них, даже для офисов, а у нас почему-то обожают в таких даже селиться. И чем выше, тем круче.

У «стронгхолда» есть право превышать скорость на сорок километров в час, и он с моего разрешения пользуется этим с великим восторгом и радостью. Небоскребы мчатся навстречу, тонкие, как секвойи, и высокие, как горы Тибета, разбегаются в стороны и остаются далеко позади вдоль дороги.

Впереди за исполинскими башнями по сто десять этажей возникает простор, и когда мы вылетели за пределы города, я ощутил, как даже мне, которому везде хорошо, стало как-то посвободнее.

Наконец «стронгхолд» съехал на боковую дорогу, там хоть и шоссе, но старинное, неухоженное, а здание впереди выглядит так, словно сохранилось со времен Навуходоносора. Хотя, конечно, ему лет сорок, не больше, тогда так строили, но сейчас сорок лет – безумно много для техники, что меняется дважды в год.

Сносить их не сносят, пока участок не понадобится, потому что в них только не заводится, только привидений токарных и фрезеровальных станков не хватает.

Я объехал с другой стороны, там знакомая стоянка, которой я не воспользовался, уже умный, а сразу подогнал машину поближе, чтобы багажник прямо под козырек здания.

Дверца в зарешеченном окошке приоткрылась, широкое лицо кладовщика мелькнуло только на миг, он всматривается не в меня, а в невидимый мне экран, где, как я понимаю, я такой, какой есть, а не тот, каким могла бы сделать пласти-

ческая операция.

– Заходи.

Дверь лязгнула, тяжело отъехала на салазках. Он все такой же небритый, огромный, как огр, всмотрелся в меня с непонятным весельем.

– День добрый, – сказал я чинно, как вежливый интеллигент-музыкант.

Он вскинул в изумлении брови.

– Надо же так подзагореть за пару суток!.. И щетина отросла, как за неделю...

– Отдыхал на юге, – сообщил я.

– Повезло, – заметил он с тем же странным весельем.

– Под жарким солнцем, – пояснил я, – волосы, как говорят в народе, растут быстрее. На самом деле при жаре морда теряет влагу, волосы просто высовываются сильнее.

– Да, – заметил он, – ты похудел заметно... Теперь ото-спаться?

– Некогда, – ответил я с видом мученика, – нужно делать мир лучше! Кто, как не мы, как сказал Иисус Христос?

Он покачал головой.

– Ну и скорости. Одна нога здесь, другая там... и снова здесь.

– Мы не в Средневековье, – напомнил я. – За час можно облететь весь мир. А за сутки можно успеть вообще изменить человечество и даже людей. К лучшему, как мы и делаем.

Он кивнул на телеэкран и произнес многозначительно:

– Что в мире делается... Сегодня ведь день на всех новостных каналах... Вчера вечером в Саудовской Аравии выстрелом из снайперской винтовки, как предполагают, класса АА, убит генерал Кейтекель, глава НАТО... Винтовку пока не нашли.

Я буркнул:

– А чего его туда понесло? Продолжал бы привычно строить военные базы у наших границ, дразня русского медведя. Наше правительство даже не пытается вякнуть... Мы такие, смирные. Даже ноты не шлем. Все терпим, терпим... Молодцы саудиты.

– Да, – сказал он и посмотрел на меня внимательно. – Саудиты... они такие... Горячие парни. За чем пришел? Снайперская уже не нужна?

Я покачал головой.

– Нет, но обратно не сдам, еще понадобится. Теперь нужны гранаты и мины нового поколения. Для войск специального назначения.

– Есть, – ответил он после паузы. – Но тот снайпер зря винтовку унес с собой. Слишком рискованно... Профессионалы бросают на месте.

– Наверное, – предположил я, – снайпер был новичком.

Он ухмыльнулся:

– Или суперпрофи, теперь не угадать. Сейчас такое новое поколение, непонятное... Гранаты осколочные?

Глава 5

Я чуть задумался, гранат вообще-то огромное множество, и хотя я, как всякий дилетант, предпочитаю те, что мощнее, но понятно же, что чем мощнее граната, чем тяжелее и даже объемнее. Ручную, к примеру, бросишь на сорок метров, а противотанковую разве что на двадцать, если крепкие мышцы.

А еще есть зажигательные, дымовые, светозвуковые, газовые и еще великое множество всяких и разных. Человеческая мысль над задачей убивать себе подобных работает особенно хорошо, радостно и с удовольствием.

И даже обычные ручные гранаты, что противопехотные, делятся на оборонительные и наступательные, причем оборонительные можно бросать только из-за укрытия, иначе поразят и самого метателя, а вот наступательные можно швырять и на открытом месте, осколки до тебя не долетят, если бросишь со всей дури.

– Пожалуй, – сказал я, – десяток оборонительных.

Он кивнул.

– Понятно. Они хороши и как мины. Еще что?

– Два десятка термитных, – сказал я. – Осколочно-фугасные с круговым разметом осколков... тоже десяток. И десяток с осевым полем разлета... И еще один момент. Мне очень не помешало бы парочку термобарических гра-

нат.

Он покачал головой.

– Увы...

– Нет на складе?

Он снова покачал головой.

– На моем нет. Но я слышал, на центральном есть.

– На центральный пока рано, – сообщил я. – Хорошо, подсчитайте, упакуйте и перевяжите лентой.

– Красной или голубой?

Я посмотрел с обидой на лице и в осанке.

– Мы разве не за старые добрые ценности? Мальчикам синее, девочкам красное... или розовое?

Он ухмыльнулся:

– Перевяжу самой синей. Что-то еще?

– Автомат «Горк».

Он покачал головой.

– Даже не слышал о таком.

– Сегодня я такой видел, – отрезал я. – В мечтах, правда.

У одного весьма крутого спецназовца в руках.

– Крутого? – переспросил он задумчиво. – Да, сейчас много крутых там, где раньше никогда бы не встретил. Сейчас он где?

– Наверное, – ответил я, – в морге. Не думаю, что причину смерти будут выяснять долго, если пуля вошла точно между бровей и вышла из затылка. И он был еще теплый, когда прибыла полиция... Так было в моем видении, мне часто

всякое грезится.

Он хмыкнул:

– А ты где был?

– Я в соседней комнате слушал музыку, – ответил я с достоинством. – Я эстет, я обожаю хорошую музыку!.. Мне под нее так хорошо спится.

– Надо было хватать «Горк».

– К дому уже подъезжала полиция, – сказал я. – Хотя... может быть, украсть у них? У меня там вроде бы есть концы... Нет, рискованно, там же везде камеры... Так что на-счет...

Он посмотрел на меня в нерешительности.

– У меня в самом деле нет. Но могу попробовать заказать у центровиков. У них все только для спецназа. Но это уже не сегодня...

Я ответил со вздохом:

– Ничего, в следующий раз забегу. Есть бронекастюмы из графеновой ткани?

– Дорогая штука, – сказал он предостерегающе. – Какой твой размер?

– Я думал, – ответил я, – они растягиваются...

– В небольших пределах, – уточнил он. – Потому лучше точно по росту. Чтoб с запасом. Учти, это не такое щасте, как о нем пишут. Не говоря уже о снаряде, он не спасет даже от тяжелой снайперской пули...

– Я думал, останется только кровоподтек!

Он покачал головой.

– Это если в грудь или в спину. А если в череп?.. То-то.

– Все равно беру, – сказал я. – Это понадобится.

Он вздохнул.

– Хорошо. Лишь бы ваш спонсор все оплачивал.

Он вынес из дальнего помещения небольшую коробку, в таких совсем недавно продавали духи. Я развернул и осмотрел, как будто что-то понимаю, это уже не допотопный бронежилет, а именно костюм, что натягивается целиком, как гидрокостюм для подводного плавания, даже пальцы рук защищены.

Он пропускает воздух, но молекулы воды не проходят, а еще останавливает пули, стрелы и арбалетные болты, хотя от удара тяжелого меча или топора останутся кровоподтеки.

– Начиная переносить, – напомнил он. – Защиту надолго отключать нельзя.

Помогать не стал, а я попытел, затаскивая ящики с гранатами и патронами в багажник, но управился быстро, помахал рукой на прощанье.

Щегольский «стронгхолд» помчался так, словно везет плейбоя в ночной клуб. Когда-то разговоры за рулем запрещались, можно было схлопотать крупный штраф, но сейчас, когда почти везде автошоферы, мне пришлось трижды отвечать на звонки друзей со всякими дурацкими предложениями сходить, отметить, побалдеть, пока не озлился и не поставил «Занят. Сплю».

Едва вошел в дом, на экране в гостиной появилась улыбающаяся Аня.

— Тебе мама звонила, — доложила она с таким удовольствием, словно это ее, как замечательную невестку, похвалила свекровь. — Сказала, что ты замечательный! Ей все соседи завидуют, что ее посещает сын, а вот их дети про родителей и забыли.

Я прервал:

— Отключись на минутку. Что-то изображение выводится мутное, я протру...

— Это у тебя в глазах мутно, — возразила она обиженно. — На самом деле же все в...

— Выполняй, — рявкнул я.

Экран мгновенно погас. Я для верности отрубил энергопитание всей системы наблюдения, если на несколько минут, то никакой тревоги не поднимется: атомные бомбы тайком на кухне с такой скоростью не собираются.

Подогнав автомобиль к крыльцу, таскал ящики с гранатами в дом по ступенькам, все-таки на цокольном фундаменте, потом в поте лица трудился, перетаскивая по коридору к стене с порталом. Поставил стул, на нем ящик, отдыхал несколько секунд, потом я приподнимал еще и переваливал через край.

Глядя, как там исчезают ящики, всякий раз со страхом и облегчением думал, как хорошо, что гранаты сами по себе не взрываются от удара о пол. Нужно обязательно вы-

дернуть кольцо. Только в кино кольцо выдергивают зубами или небрежным движением пальца, а на самом деле, не расправивши усики, кольцо почти невозможно выдернуть даже силачу, но даже с выпрямленными выдергиваешь с великим трудом. Я на уроках физкультуры метал учебные, знаю. Так что от удара о пол никакое колечко не выпадет, и ничего не рванет, а в кино десятки раз видел душещипательные кадры, как ребенок играет гранатой и выдергивает из нее кольцо.

Я перетащил все, отключил генератор и велел пылесосам убрать, вымыть и почистить, врубил систему наблюдения, а сам отправился готовить кофе.

Хотя готовить – сказано громко, я по-прежнему признаю кофе только крепкий, сладкий и горячий и никак не поддаюсь тому помешательству, что охватило за последние две декады мир, когда на всех углах возникают кофейни, предлагающие самые необычные ароматы и самые изысканные вкусы.

Кофейный аппарат молча смолот зерна и приготовил большую чашку густого сладкого и крепкого напитка, а тостер все понял и выдал поджаренный тонкий хлебец.

Ломтиком сыра я накрыл его сам и, усевшись в кресло, принялся смаковать медленно и с удовольствием.

Самому в портал еще рано, еще не все, с сожалением допил кофе, в поиск забил «горнолыжные костюмы» и сразу же включил связь.

На экране появилось лицо молодой женщины, слегка от-

далилось, как я понял, чтобы я увидел и ее великолепной формы грудь, и широкие плечи спортсменки, модные в этом сезоне.

– Слушаю вас?

– Нужно приобрести кое-что, – сказал я, – из одежды. Хочу на днях прокатиться на лыжах... Где-нибудь в Альпах.

Она улыбнулась:

– Понимаю. Для Альп вам нужен горнолыжный костюм VIP-класса. Там теперь отели только хай-лэвла. А среди клиентов только самые состоятельные люди, бизнесмены, политики, кинозвезды, медиамагнаты...

– У вас есть виртуальная примерочная?

Она кивнула, но на губах проступила несколько пренебрежительная улыбка.

– Разумеется. Но наши клиенты обычно приезжают лично.

– Я слишком занят, – объявил я. – Мне деньги не папа оставил, я имею в виду совсем не римского папу, сам зарабатываю. Потому давайте лучше примерочную...

– Как вам угодно, – ответила она. – Ваша аппаратура поддерживает трехмерность?

Я хмыкнул:

– Даже не знаю, что она еще поддерживает! Возможно, даже земную ось, о которую чешут спины медведи.

Она кивнула.

– Входите.

Я сделал шаг, ощущение такое, словно в самом деле переступил порог в их магазине, хотя сквозь полупрозрачные стены и полки с товарами смутно различаю и свою комнату.

– Я человек старых правил, – сказал я, почти извиняясь. – Мог бы и лично примчаться, но все-таки дико занят... даже на горнолыжный курорт едва выкроил время. Моей тонкой душе эстета в самом деле недостает тактильной щупальности... понимаете?

Девушка послушно кивнула.

– Да-да, вы любите щупать.

– Точно, – одобрил я.

– Что хотите пощупать? – спросила она.

Я посмотрел на ее грудь, подумал, хотел зайти с другой стороны и посмотреть на зад, но она стояла вплотную к стене, объяснил с рассчитанной нерешительностью:

– Мне бы хороший горнолыжный костюм... но без выпендренов. Однако надежный.

Она заулыбалась.

– Что же вы такой скромный? Теперь все стараются выделиться.

– Так стараются, – согласился я, – что все как спицы в велосипеде. Меньше бы старались...

Она улыбнулась понимающе, по ее виду заметно, что ее эти выделяльщики достали больше всего, но вслух такое не скажешь, произнесла дружески:

– Пойдемте покажу. Смотрите вот этот ряд, хороши?..

Я оставался на месте, иначе уперся бы лбом в стену своего дома, а так полки специализированного магазина поплыли нам навстречу, рай для горнолыжников и альпинистов, есть еще такая дурь, вообще с ума сходят, могли бы спокойно на диване с банкой пива...

– Ничего не заинтересовало? – спросила она.

– Пока нет, – признался я.

– Тогда нам сюда...

Я обалдело таращил глаза по сторонам, дальше уже не помещение под продажу одежды, а выставочный ангар, где можно с комфортом расположить десяток стратегических бомбардировщиков!

Видя мою нерешительность, она спросила заботливо:

– Помочь?

– Да, – пробормотал я, – не хотелось бы терять время... я человек занятый...

Она повела ладонью в воздухе, и передо мной появился великолепный горнолыжный костюм во всей красе пикапщика.

– Как вам этот?

Я покачал головой.

– Слишком яркий. Понимаю, это чтоб издали было видно, если заблужусь или попаду под снежную лавину...

– Вот-вот! Все практично.

– Но я, стыдно сказать, не такой уж и горнолыжник... честно говоря, совсем никакой. Просто пригласили поехать

с друзьями, понимаете? Потому не хочу выделяться. А то от человека в чемпионском костюме и требовать будут больше, чем я могу.

Ее улыбка чуть померкла, выгляжу нищевородом, заглянувшим в магазин для богатых.

– Тогда давайте посмотрим что-нибудь из этого ряда...

Я посмотрел и помотал головой.

– Нет, это чересчур...

– Куда уж проще? – сказала она почти с обидой.

– Чересчур просто, – договорил я. – Мне с самыми последними наворотами. Не только полная водо- и влагонепроницаемость, это и мои штаны с рубашкой умеют, а именно наработки завтрашнего дня.

Она пробормотала:

– Кое-что есть, но это в другом отделе. Для VIP-клиентов.

– У меня платиновая, – сказал я скромно, – класс «Империал».

– О, – сказала она с почтением, – тогда вам сюда... Правда, костюмы здесь тоже ярко-красные и оранжевые...

– Они умеют хамелеонить, – напомнил я. – Знаю, читал.

– Это в отделе рядом, – сказала она, – позвольте...

Стены с развешанными костюмами шустро поплыли навстречу, я всматривался очень тщательно, будто и в самом деле собираюсь попасть под снежную лавину. Если выпасть из самолета, никакой костюм не спасет, но с крыши невысокого дома можно без особой опаски, если не выставлять ру-

ки. Ткань выглядит тонкой, но там два слоя, а между ними впрессована какая-то хрень, что при ударе мгновенно раздувается и спасает от переломов.

Это самое главное. Не говоря уже о том, что поддерживается температура тела, влажность и прочее-прочее. Встроенные элементы вбирают днем солнечные лучи, а ночью поддерживают нужную температуру. Точнее, заданную.

– Мне два костюма, – сказал я. – Один точно по росту, другой приятелю, он на три пальца ниже, а комплекция... да, тоже чуть-чуть недобирает.

– Принято, – ответила она.

– Запомните адрес, – сказал я. – Когда доставите?

Она скосила глаза в сторону, на лице появилось озабоченное выражение.

– Ой, ни одного свободного коптера... Такое бывает крайне редко. Но все равно доставим сегодня же! Не позднее чем через три-четыре часа. Это удобно?

Я кивнул.

– Да, вполне. Я не спешу. Если меня дома не будет, умный дом примет заказ.

Она чарующе улыбнулась.

– Все будет сделано. Спасибо за покупку!

За ее спиной проступил стенд с причудливым снаряжением для альпинистов, целый стенд с образцами, все такое эффектное, что можно с ним ходить на бал или великосветские рауты. Мне без надобности, костюм нужен совсем для дру-

гого, хотя...

– Погодите, – сказал я за миг до конца связи, – вон там что, в самом деле альпинистский трос?

Она заулыбалась.

– А вы ожидали какое-то допотопное страшилище? Да, все в этой коробочке. Смотрите...

Коробочка размером с серебряную монету, только вдвое толще, женщина с той же заученной улыбкой продемонстрировала дисплей на одной стороне.

– Видите?.. Принцип обычной рулетки, которой пользовались еще наши деды. Тянете за шнур на ту длину, которая вам нужна, вот эта кнопка фиксирует, так что остановите на любом километре... ха-ха, простите, у вас такое лицо!.. Конечно, не километры, но триста метров даже в самой облегченной модификации гарантированы.

– А где же крюк? – спросил я с сомнением. – Он прилагается?

Она смотрела с той же улыбкой.

– Все там.

– В этой штуке?

– Ну да, – сказала она почти с презрением, если бы это было ей позволено, – вы же горнолыжник, а не альпинист... такие мелочи не знаете. Вот здесь нажимаете... и регулируете...

Она коснулась пальцем тача, крохотной пимпочки, за которую вытягивала веревку, а на самом деле простую с виду

леску для самой мелкой рыбы, щелкнула и выдвинула на ладонь в три стороны хищно загнутые лапы такого якоря, что удержал бы и «Титаник».

– Мало? – спросила она победным голосом. – Жмем еще...

Лапы удлинялись, вылезая из сочленений, пока не стали в размахе по метру.

– Ого, – сказал я, – не знал про такое. Беру. А эта леска... точно не оборвется?

Она посмотрела на меня в сомнении.

– Вы в самом деле не слышали о космических лифтах?

Стены магазина и она исчезли, я снова в своей комнате. Из-под стола доносится скрежет, это Яшка что-то грызет или пытается вытащить наружу, а я прошелся до середины комнаты и плюхнулся на диван, взмахом руки включая жвачник с новостями дня.

Отдохну до момента, когда прибудет дрон с заказом, а потом сразу же прыгну в портал. А там нужно спешить, я пообещал стражникам одна нога здесь, другая там...

За грохотом и криками со стороны экрана я не слышал, а только почувствовал, как Яшка унесся прыжками проверять свою мисочку с едой, совсем не похожий на ящерицу, а уже не то на микроскопического ящера, не то кенгуру размером с тушканчика.

Глава 6

Не услышал, и как отворилась дверь, только пахнуло ветром, но еще раньше холодом, словно я оказался под струей промышленного кондиционера.

Я дернулся, но в затылок уперлось нечто жесткое, а я, да же не видя, ощутил ствол пистолета.

Все тело похолодело, я пролепетал:

– Не двигаюсь, не двигаюсь...

– Молодец, – послышался голос, – протяни вперед руки.

Я протянул, ствол пистолета продолжал давить в затылок, но в поле зрения появился крепкий мужчина с расчетливо уверенными движениями. Быстро и профессионально, что значит, делал такое много раз, а до этого отрабатывал на манекенах, связал мне кисти тонким шнурком так крепко, что больно врезался в кожу.

– Готово, – сказал он.

Я думал, что первый уберет пистолет, но ствол все так же холодит затылок. Тот, кто сзади, велел жестко:

– И ноги.

Не дожидаясь приказа, я послушно вытянул ноги. Второй связал в районе лодыжек так же прочно, отступил и полюбовался своей работой.

– Все готово.

Пистолет от затылка убрали, я остался сидеть, как вмо-

роженный в лед. В поле зрения появился и тот, что держал пистолет у затылка, высокий, крупный и налитый звериной силой.

Я чувствовал, как у меня начинает подрагивать подбородок. Но, думаю, нижнюю челюсть мне вряд ли подвяжут, даже руки и ноги обездвижили больше для порядка. Видно издали, любой из них согнет меня в два счета, накачанные и перенакачанные, такие в любых костюмах даже для отдыха будут выглядеть спецназом.

Я пролепетал:

– Ребята, вы ошиблись... У меня ничего нет... Я живу на пособие... У меня даже собаки нет! А я так всегда мечтал о собаке. С детства, представляете?..

Они переглянулись, один сказал мирно:

– Представляю. Я тоже мечтал о собаке, но теперь она у меня есть. Но о собаках потом. У нас непонятки насчет какого-то камешка, который ты не то украл у наших, не то знаешь, где лежит... Ты нам все скажешь, понял, парень?

– Понял, – ответил я устрешенно, – вот только что за камень? Можно поподробнее?

– Не темни, – сказал второй. – И не тяни время. Надеешься, что все пишется и где-то уже выезжают по тревоге?

Дверь со стороны гаража распахнулась, вошел третий, одетый ярко и подчеркнуто хвастливо, восточного склада красавец с широкими плечами и тонкий в поясе, выпуклые орлиные глаза и смоляные брови, а когда заговорил, акцент

уроженца Кавказа звучал отчетливо:

– Все установлено!

– Отлично, – сказал первый боевик.

– Всего полчаса, – предупредил кавказец.

– Успеем, – ответил боевик. – Гиви, осмотри второй этаж.

– Сделаю, – ответил кавказец.

Он посмотрел на меня внимательно, красиво вырезанные ноздри затрепетали, в глазах проступила необузданная ярость, то ли нагнетаемая, то ли настоящая. Рывком выхватил из ножен на поясе изогнутый десантный нож с зубчиками на другой стороне.

– Видишь этот нож? – прорычал он с неистовой злобой. – Я тебя как барана резать буду!

Попускав с лезвия мне в глаза яркого зайчика, он неожиданно коротко размахнулся и с силой всадил нож в столешницу.

Я не поверил глазам. Стол всегда казался твердым, как мрамор, но лезвие погрузилось больше чем наполовину.

Кавказец, свирепо улыбаясь, смотрел в мое испуганное лицо. Старший боевик сказал ему, морщась:

– Гиви, проверь, что с той стороны.

Тот кивнул.

– Сделаю, командыр...

Он вышел, а командир повернулся ко мне.

– Советую все сказать, – проговорил он серьезно. – Я не сторонник зачисток среди гражданских, но если за-

упрямишься... Понимаешь, до того, как зарезать, он тебя искромсает. Отрежет яйца, вспорет пузо и начнет вытаскивать кишки, а их у тебя, как я недавно услышал где-то, сорок метров, до сих пор не могу поверить... Ты себе такое представляешь?

– Нет, – прошептал я. – И представить боюсь.

– То-то.

Я проговорил дрожащим голосом:

– Я ничего не знаю! Но если нужны мои деньги... и все, что у меня ценного, то вот в той стене за фоторамкой... Может, ваш камень там?

Он повернулся, посмотрел на рамку, оглянулся на меня.

– Если там ничего не окажется, я сам тебе кишки вытащу.

Я затаил дыхание, только бы успеть, он снова повернулся к стене и сделал к ней шаг.

Пистолет возник между моими ладонями обеих рук холодный и тяжелый. Торопливо подняв непослушными руками, я прицелился под левую лопатку, быстро нажал на скобу.

Выстрел грянул как-то тихо, хотя руки тряхнуло крепко. Боевик упал на стену и сполз по ней, оставляя кровавую полосу.

Я быстро поднялся и, прыгая связанными ногами, стараюсь не упасть, поспешил к столу. К счастью, Гиви вогнал нож не по самую рукоять, пришлось бы лезть под стол.

Я торопливо водил веревкой на связанных руках по лезвию, пока руки не разбросало с такой силой, что едва не вы-

ронил пистолет.

Дверь распахнулась, в проеме появился встревоженный Гиви. Глаза его расширились при виде пленника не на стуле, а у стола, рука метнулась к кобуре с пистолетом.

– Ты чэго...

– Кто из нас баран? – спросил я.

Он успел выдернуть оружие, но я всадил две пули в грудь и одну в голову. Он еще не успел сползти по стене на пол, как я допрыгал до его тела, выдернул из ножен второй нож и, спеша и волнуясь, кое-как перерезал веревку на ногах.

От ужаса всего трясет, но то ли от волнения, то ли от выплеска в кровь огромной дозы адреналина, но как будто все замедлилось в мире, а я такой вот умный, все схватываю и чувствую, даже могу сказать, что третий сейчас роется на кухне, а четвертый пошел в спальню, совсем дурак.

Перевел дыхание, размял затекшие пальцы, только сейчас начинают просыпаться и носиться мурашки, все сильнее и сильнее, больно кусаются, и хочется остервенело почесать эти места.

Дом у меня не современно американского типа из фанеры, стены настоящие, каменные, но перегородки сплошная видимость, гипсокартон. Если забить гвоздь, так и он уйдет туда вместе со шляпкой, и молоток проломит дыру с кулак.

Бледно-голубое пятно появилось совсем слабо, я даже не понял, приближается или отдаляется, затем разом превратилось в синее.

Я напрягся, готовый судорожно стрелять, а пятно уже не пятно, а отчетливо видимый силуэт медленно пошел вдоль стены, совершенно бесшумно, скрадывающимся шагом, а у двери слева остановился.

Что у него в руке, не вижу, но по характерной стойке человек готов к стрельбе из автомата. Еще секунда, и пинком отворит дверь и начнет сметать все на пути веером раскаленных пуль.

Я прицелился и дважды выстрелил, стараясь попасть в верхнюю часть туловища. Мои пули просадили дверь, силуэт согнуло в поясе, я торопливо выстрелил в голову, отскочил.

Резко звякнул телефон. Я подпрыгнул в ужасе, сердце чуть не вылетело, судорожно оглянулся, едва не свернув себе шею.

Трель идет от нагрудного кармана их командира. Я выдернул оттуда мобильник, нажал кнопку приема.

Появилось злое лицо четвертого боевика.

– Что за, – прорычал он, – а где...

– Еще не понял? – спросил я. – Где скоро будешь и ты.

Он рыкнул люто:

– Ты кто, сволочь?

Я молча бросил мобильник в бак утилизатора. Там с готовностью заскрипели жернова из сверхпрочной стали.

И почти сразу совсем близко загревели выстрелы да так, что от грохота заболели уши. Он лупил и лупил из автомата,

крупнокалиберные пули дырявят стены, пересекают мебель, а во внешней стене оставляют ямки, куда можно положить крупные яблоки.

Я устрaшенно попятился. Даже если успеем выстрелить друг в друга одновременно, то могу даже не попасть, а он превратит меня в решето, в пособие для курсантов на тему, сколько выстрелов в секунду выдает современный автомат.

Донесся яростный крик:

– Выходи, сволочь! Думаешь, ты круче?

Оборзел, мелькнула у меня трусливая мысль. Уже привык к безнаказанности. Уютное и мирное Подмоскoвьe – не горы Ливана, где каждый день ползал под пулями фанатичного ИА-Акбара, наследника прогремевшего на весь мир ИГИ-Ла...

Прислушиваясь и всматриваясь, я решился наконец сделать робкий шагoк вперед. Голубоватый силуэт слабо мелькнул вдали и пропал. Это значит, нас разделяют не меньше чем две стены. Сквозь одну каменную могу видеть слабый голубоватый силуэт, а через тонкую дверь уже синий...

Я пригнулся и задерживал дыхание, всего трясет, даже не знаю, как можно привыкнуть убивать и понимать, что могут убить самого, но такой этот мир, так что лучше убью я, чем меня...

Очередь прогoхотала ближе. Я съежился, стараясь рассмотреть до того, как почует меня. В старину считали вы-

стрелы, потому что в обойме было всего семь патронов, а еще один в стволе, после восьми выстрелов долгая пауза на замену обоймы, когда можно попытаться убежать или, напротив, пойти в атаку, однако даже в «АПС» или «глок» по 30–40 патронов, а в современных, полностью отказавшихся от гильз, в пистолетной обойме патронов не меньше, чем в пулеметной ленте.

Голубой силуэт появился и снова исчез, там опорный столб с трубой внутри, мелькнул ближе и уже не исчезал, медленно наливаясь синим цветом.

С сильно стучащим сердцем я держал пистолет в обеих руках, ждал и вздрогнул от оглушительно прозвучавшей автоматной очереди совсем близко за стеной.

Похоже, ему кто-то почудился в коридоре, сдуру садит пулями в дальнюю стену, задевая боковые и потолок...

Умолк, делает еще шажок, еще... Я следил, как голубой силуэт осторожно ползет по стене к проему, у меня там двери нет, окажемся лицом к лицу.

Я поднял пистолет так, чтобы он был на уровне его головы, сделал шажок к стене, пусть нас разделяет всего пара шагов, зато не промахнусь точно.

Когда он был в шаге от проема, я ощутил, что еще миг, и он, выйдя на открытое место, сразу же выпустит убийственную очередь. Даже еще не видя меня. Уже боится, я не овечка, каким показался, овечка не загрызла бы трех волков...

Я все еще держал пистолет на уровне его головы, палец вдавил спусковую скобу до половины и застыл там в напряжении.

Боевик появился моментально, дуло автомата повернулось в мою сторону, а я торопливо додавил курок. Выстрел тряхнул ладони, я выстрелил еще раз, но уже по инерции: первая пуля, опередив врага на долю секунды, ударила ему в лоб и сразу остановила палец за миг до того, как нажмет на пуск.

Я всхлипнул в изнеможении и опустил пистолет. Сердце сдуру начало колотиться еще сильнее, хотя вроде бы все кончено, можно отдыхать, я жив и даже цел, а вот они нет.

Теперь надо быстро уехать из коттеджа, а вернуться уже после ОМОНа – хорошая идея, но видеонаблюдение отключено только на моем участке, так что не пройдет.

Но даже, если бандиты отключили во всем поселке, все равно видеокамеры, что на выезде и вдоль шоссе, засекают всех гостей. Кто захочет покопаться чуть дольше, все равно найдет концы и задаст неприятные вопросы...

На экране вспыхнул красный огонек экстренного вызова. Я дернулся, картинка показывает полицейский автомобиль, что несется на полной скорости, срезая углы, прямо к моему домику!

– Да что это за, – прошептал я в отчаянии.

Перебросить трупы в портал еще смогу, но пылесосы не успеют убрать улики. К тому же стены изрешечены пуля-

ми, мебель разнесли в щепки...

Ничего не придумав, я метнулся в спортзал, так его называю, там пока ничего спортивного, все собираюсь купить бильярдный стол, но сперва не было денег, потом уже не до бильярда, но сейчас там в углу музыкальный центр с настоящими деревянными колонками и стул... но слушать и наслаждаться руки тоже не дошли, ну что за жизнь...

Едва успел надеть наушники, как в домофоне мелодично пропищал звонок вызова. Я сделал вид, что не слышу, буду играть внаглуую, пропадать – так с музыкой, а уже через несколько секунд – вот уж быстро бегает! – в коридоре раздался топот.

Я поспешно надвинул наушники поплотнее, откинулся на спинку стула и с дурацки-блаженной улыбкой закрыл глаза. Еще и пальцы обеих рук скрестил на пузе, ну прям Гаутама, познавший единение с космосом, что целиком состоит из музыки сфер.

Ничего не придумав, я включил «Дорогой Водана», обожаю эту фолк-группу, стереонаушники надел сразу, а на стене включил запись вчерашней трансляции матча «Крематогастера» против «Формики».

Из окна в щелочку вижу, как из машины выскочили трое: тот жопастый полицейский, все забываю, как его... ага, сержант Синенко, Мариэтта и еще один, этот в элегантном костюме и больше похож на чиновника, что все рабочее время проводит в фитнес-зале.

Синенко и Мариэтта, уже с пистолетами на изготовку, пробежали через участок, часто-часто семеня словно бы укороченными ногами. Сержант первым вскочил на крыльцо, через мгновение ворвался в холл, поводя стволом пистолета во все стороны.

Дальше я видел их в отражении остекленной двери, но продолжал делать вид, что с увлечением смотрю за футбольным матчем, одновременно слушая «Дорогой Водана».

Глава 7

Мариэтта ворвалась в спортзал первой, повела стволом сперва в мою сторону, потом во все стороны.

– Чисто!

Вбежали сержант и чиновник, оба с пистолетами в руках. Сержант весело заорал мне:

– Что смотрим?

Я не ответил, вроде бы увлеченно и даже с восторгом наблюдая, как Коваленко ведет мяч к воротам. Мариэтта наконец углядела на моих ушах массивные полушария УЧ-5, зашла сбоку и резко сорвала с меня чудо современного хайтека.

Сержант встал между мною и экраном. Я подпрыгнул в ужасе.

– Кто?.. Что?.. А вы откуда взялись?

Мариэтта с отвращением швырнула наушники в дальний угол. Синенко с удовольствием смотрел в мое перепуганное лицо.

– Ну что, кто выиграл?

– Еще никто, – ответил я нервно, – ноль-ноль, второй тайм только начался!.. А вы откуда? Как вас охранапустила? Надо накатать жалобу, я демократ или нет? Демократы всегда жалуются!

Синенко покосился на экран.

– Это же вчера надо было смотреть.

– Вчера я был занят, – сообщил я с той же нервностью в голосе и облике. – А сегодня вот наслаждаюсь! А вы меня всего пугаете!

Мариэтта отпрыгнула в сторону, я увидел по ее перекосившемуся лицу, что едва-едва удержалась от женского взвизга, а вбежавший со двора ящеренок, не обращая на нее внимания, прыгнул мне на ногу, быстро вскарабкался по штанине, затем по рубашке и, уютившись на плече, посмотрел сверху победно и уверенно.

– Что это за зверюга? – проговорила она с трудом. – Какая страшная...

– Ничего вы, полицейские, не понимаете в искусстве, – сказал я. – Для вас красивые только кошечки да белочки?.. А для настоящего эстета крокодил намного прекраснее. Споры между настоящими ценителями искусства идут только на тему, какие крокодилы прекраснее: нильские или африканские? Есть еще эстеты, для которых кайманы лучше всех на свете, но они все-таки в меньшинстве... Аллигаторы рулят в мире красоты и утонченного изящества!

Она сказала язвительно:

– А это у тебя кайман или аллигатор?

– Это новый вид, – сказал я страшным шепотом. – По сохранившейся дээнка восстановили тираннозавра!.. Ну, как восстановили мамонта, бизона и лобковую вошь.

Она поморщилась.

– Это уже не наука, а черт-те что... Куда народные деньги идут?.. Я без лобковой вши как-то проживу. Даже без мамонтов. Ладно, что здесь случилось? Почему был сигнал тревоги?

Синенко сказал зловещим голосом:

– Если не будешь с нами сотрудничать, скажу, с каким счетом кончилось и кто победил...

Я вскрикнул в ужасе:

– Замолчи, а то сейчас убью!

Мариэтта в недоумении посмотрела на третьего, что похож на чиновника.

– О чем они?

Мы с Синенко одновременно уставились на нее, чиновник тоже посмотрел и покачал головой.

– Мариэтта... Это очень сложно, женщины не понимают... Но кто мне может объяснить, почему вся система охраны и сигнализации отключена. У меня вопрос к хозяину, что случилось?

– Отключена? – спросил я всполошенно. – Зачем вы ее отключили? Мне это нужно! Если поставили, то поставили. Правительство знает, что простому человеку делает. А вы чего ломаете?

Мариэтта сказала сержанту сердито:

– Тебе не кажется, что он переигрывает?

– И здорово, – ответил он. – Нервничает. Вот и прячется за такой ширмой.

– Какой ширмой? – спросил я. – Какой ширмой? Не знаю никакой ширмы!.. У меня все открыто! Даже в туалете двери нет!..

– Есть, – сказал чиновник.

– Вот видите, – заявил я. – Так вот живу, даже не замечаю. Потому что я – творческая натура. А вы вот все замечаете, как не стыдно?

Они посматривали на меня как-то странно, наконец чиновник сказал отдельно:

– Я, Карлашев, представляю полицию Юго-Западного округа.

– Очень, – буркнул я, – как бы приятно. И че?

Он объяснил:

– Поступил сигнал, мы обязаны проверить. У ваших ворот стоит неопознанный автомобиль. Аппаратура указывает, что у вас гости...

Я охнул:

– У меня? Какие гости, где гости?.. Зачем мне гости, когда я смотрю футбол? Футбол – дело сугубо личное!

Мариэтта уже исчезла, Синенко пошел следом, но из холла двинулся в другую от нее сторону.

Карлашев покачал головой.

– Кто прячется в вашем доме?

– Прячется? – переспросил я. – Да где у меня прятаться? Дворец, что ли? Общайте все норки...

– Сейчас сообщат, – заверил он, оглянувшись, прислушал-

ся. – После этой вашей адской музыки в ушах грохот...

– Это ваш Синенко поскользнулся, – ответил я.

Он спросил быстро:

– На чем?

Я пожал плечами.

– Ваша Мариэтта чего-то испугалась, на том самом сержант и поскользнулся.

Он поморщился.

– Грубо теперь молодежь шутит.

– А вам сколько? – спросил я.

– Я старше вас на пять лет, – ответил он высокомерно. – Между нами целая эпоха иной морали, технического развития, других взглядов и отношения к миру.

– Конечно, – буркнул я, – у вас, стариков, более правильное... Вы инквизицию еще застали?

Ответить он не успел, из гостиной влетела Мариэтта с расширенными глазами, на белых сапожках красиво расцветают, как дивные алые цветы, крупные капли крови.

– Там... Там... Там убитые! Еще теплые!

Рука Карлашева дернулась к пистолету, словно у Гиммлера при слове «культура».

– Что-о?.. Где Синенко?

– Осматривает, – ответила она и вздрогнула. – Там все в крови!.. Даже на стенах кровь... и мозги!

Карлашев покосился в мою сторону. В дверном проеме показался сержант.

– Даже так? Вызовите экспертов.

– Уже, – ответила она. – По экстренному. Через семь минут вертолет сядет у входа. Итак, Евген... это ваше настоящее имя? Что вы скажете о трупах в вашем доме? Я успела увидеть двух... но, возможно, есть еще?

Я подскочил, сам чувствую, как глаза стали дикими, а волосы поднялись дыбом, хорошо реагирую, молодец, какой великий актер во мне погибает, почище Нерона.

– Что-о-о?

Мариэтта и Синенко переглянулись, а представитель полиции Юго-Западного округа повторил отдельно:

– Вам же сказано, два... трупа... свежие... еще теплые... в лужах крови...

Ящеренок сердито зашипел на него, устрашающе раскрыв красную и пока беззубую пасть.

Я вскрикнул:

– Так зачем вы их мне принесли?.. Или вы их на месте убили?.. Так у меня не было гостей! Это все ваши провокации!.. Вы мне еще и героин подбросите, я заранее протестую!..

Синенко сказал быстро:

– Посмотрю там еще... Там просто бойня была!.. Все стены исковыряли пулями!.. Это же надо... Красиво живешь, Юджин!

Он исчез, Карлашев не сводил с меня прицельного взгляда холодных глаз. С какой бы скоростью пистолет ни возникал у меня в ладони, но, боюсь, этот натренированный модник

успеет выхватить свой из кобуры скрытого ношения раньше меня. Тем более выстрелить.

– Беда в том, – проговорил он, все еще не сводя взгляда, – что мы всего лишь полиция... Если когда-то и министров брали с поличным, то теперь нам оставили только всякую шушеру.

– А министры? – спросил я. – Их берут другие? Повыше рангом?

Он вздохнул:

– У всех связи, знакомства, блат... Хотя на самом деле это только прикрытие.

– Не связи? – спросил я.

Он поморщился.

– Связи связями, но у них крыша получше, чем просто связи. Мир слишком уж разогналсЯ к глобализации, люди не готовы... да и не хотят. А если и согласны, то на собственных условиях, а не общих... Так что у нас возможности ограничены...

Он на что-то намекал, но я все не мог врубиться, потому ответил остороженько:

– Ну, жаль, конечно...

– Страны, – сказал он, – вынужденно сократили армии, дали централизацию всем районам и кластерам, а к чему привело?.. Вот именно. Новое вино нельзя наливать в старые кувшины, как сказал великий винодел Соломон. Или это был Ной?

– То изрек Иисус, – поправил я.

Он изумился:

– Разве Иисус не плотничал?

– Одно другому не мешает, – напомнил я. – Говорят же, пьет как слесарь...

– Пьет как ирландец, – поправил он книжным тоном, – так правильно.

– А что, все слесари ирландцы?

– Погугли, – огрызнулся он с неудовольствием, – в их родословной я не копался.

Синенко вошел подчеркнуто спокойный, ироничный, хотя еще более тяжелый и массивный.

– Мариэтта уже сказала? Нет? Там не два, а четыре трупа... В разных местах, в красноречивых позах, только здесь чисто... Юджин, что это у вас на руках?

Карлашев и Мариэтта заинтересованно уставились на мои кисти. Там все еще побаливает, веревка хоть и недолго побывала на моих руках, но зверски натерла кожу.

– Где? – переспросил я.

– Вон, – сказал Синенко и некультурно указал пальцем.

Я посмотрел, сказал гордо:

– Стигматы, что же еще!

– Чего-чего? – спросил Карлашев.

– Стигматы, – пояснил я. – У слишком верующих появлялись в тех местах, куда Христу вбивали железные костыли, а у меня проступили на местах, где у невольников были

цепи... Ну так, чуть покраснела кожа. Вы же помните песню о невольниках?

Карлашев внимательно оглядел кисти обеих рук, покачал головой.

– Это не от наручников. Больше похоже на веревку.

– Вам виднее, – согласился я. – Я когда слушал музыку, представлял, что руки у меня связаны... но чем, гм, как-то не конкретизировал. Просто ощущение, понимаете? Из этих ощущений возник импрессионизм, это искусство такое... вроде футбола низшей лиги.

Мариэтта, прислушиваясь одним ухом, бросила ядовито:

– Импрессионизм от впечатлений, а не ощущений!

– Здорово, – обрадовался я. – Значит, я еще и впечатлительный, а не только ощущательный? То-то меня всего трясет!.. Может быть, вы меня обнимете, чтобы я перестал дрожать и вздрагивать?

Она смерила меня злым взглядом.

– Послушай что-нибудь успокаивающее.

– Давай я обниму, – предложил Синенко.

Я смерил его опасливым взглядом.

– Я человек старых взглядов, понимаете ли...

– Без намеков, – сказал он угрожающе. – Я человек еще более старых.

– А вот я кроманьонец, – похвастался я. – Но мы вас, неандертальцев, помним!.. Вообще-то я не знаю уже, за что я налоги плачу? Почему меня не защищают?.. Мне что, в об-

щество защиты животных обращаться?.. Да не потому, что осел, животных вы все защищаете!..

Он сказал успокаивающе:

– Мы тоже защищаем, не волнуйтесь вы так... Вон у вас «Резня на Журавлевке» в закладках, это ж сколько человек вы там убили, тысячи? И ничего...

Я снял с плеча ящере́нка, поцеловал в морду и опустил на пол, слегка подтолкнул в толстый зад.

– Иди, бегай во дворе. Тебе не стоит слушать про убийства мобов. То плохие мобы. А ты замечательный.

Ящере́нок прыжками вынесся через раскрытую дверь во двор, Синенко сказал серьезно:

– Не волнуйтесь, сейчас все пойдем и решим.

Голос его прозвучал зловеще, хотя это я могу и сам интерпретировать по своей хозяйственности и подозрительности.

Карлашев ушел в гостиную, мы услышали, как присвистнул там. Синенко сказал мне дружелюбно:

– Пойдем посмотрим. Хотя для тебя это и просто дикая новость, ты никого из них не видел, но все же полюбу́йся, что они с твоей мебелью сделали.

– Запачка́ли? – спросил я в панике. – С ногами на диван?

Он хохотнул:

– Увидишь. Как бы впервые. Ты ж ничего не видел, ничего не слышал? Как те три обезьяны?..

– А что третья?

Он взглянул на меня пронизывающим взглядом.

– Быстро схватываешь. А третья «никому ничего не скажу». А ты, похоже, все три. Многообезьянник. В смысле, многостаночник.

Я перешагнул порог и в самом деле ахнул без всякого притворства. Стена вся в дырках. Останься там на несколько секунд дольше, наштапиговали бы свинцом, как говорится, хотя пули давно уже без свинца.

Я ощутил, что меня снова начинает потряхивать пережитое, Синенко делает вид, что рассматривает залитый кровью пол, распластанные тела, но наблюдает за мной остро и неотрывно, этому наверняка тоже учатся в полицейских академиях.

Мариэтта прошлась вдоль стены, стараясь не вступать в лужи крови, что все еще растекается, обиженная, что не дают свернуться.

– О-го-го, – произнесла она озабоченно, – эти ребята любят стрелять... Что здесь еще не изрешетили? Потолок?

Синенко, не глядя, указал большим пальцем вверх.

– Туда тоже выпустили очередь. Но не прицельно, видишь?

– Да, – согласилась она, – кто-то уже в агонии нажал на спуск. После того, как некто всадил пулю ему прямо между бровей. Прекрасный выстрел!

– Какие сволочи, – сказал я плачущим голосом.

– Правда? – спросил Синенко.

– А что, не видно? – вскрикнул я. – Они всю телестену по-

ковыряли! Смотрите, ее придется менять почти целиком!..

Карлашев и Синенко переглянулись. Я ощутил, что допустил оплошность, перешагивая через трупы и мало обращая внимания на залитый кровью пол, дескать, отмыть легко, а за телевизор платить придется. Хотя, конечно, страховка покроет...

– Сейчас придут эксперты, – пообещал Карлашев. – Заодно оценят и ущерб. Хотя этой ерундой вроде бы должны заниматься страховые компании?..

Синенко хмыкнул:

– Да сейчас все так быстро меняется. Как думаете, что здесь стряслось?

– В целом? – спросил Карлашев. – Задайте вопрос полегче.

Мариэтта сказала сердито:

– Можно только предполагать... И то по частям. Вот у этих двух, что один напротив другого, возник конфликт с этим вот третьим... Видимо, тот успел выстрелить первым, поразил вот этого, он ближе и опаснее, второй ударил его рукоятью пистолета, но, истекая кровью, этот успел и во второго всадить три пули...

Карлашев поморщился.

– Как-то все сумбурно... но, согласен, другие варианты выглядят так же неуклюже. Видимо, ссора у них завязалась неожиданно. Потому и такой некрасивый результат.

Она усмехнулась:

– Вы эстет, Петр Васильевич. Красивый – не красивый...
Нам главное, чтоб правдивый.

Синенко уточнил:

– Правдоподобный.

– Для начальника участка? – спросила она. – Или прокурора?

Глава 8

Он кисло отмахнулся, не желая в присутствии подозреваемого раскрывать корпоративные секреты.

Карлашев сказал с иронией:

– Такого в моей практике еще не было. Четверо в лужах крови, а хозяин слушает музыку! Ничего не видел, ничего не слышал... Как такое может быть?

Синенко посмотрел на меня весело.

– Теоретически может. Потому того, что мы обнаружили, мало для обвинения. Давайте искать...

– А что скажет хозяин дома? – спросил Карлашев.

Синенко ответил вместо меня:

– Ничего не видел, ничего не слышал. Наушники у него видите какие? Не услышишь и атомный взрыв. Я бы этих меломанов только за такое извращение сажал! Ишь, слушать «Дорогой Водана» и смотреть футбол!.. А пули сюда не долетали. И хотя я сам в такое не верю, но суд, хоть и поверит нам, а не ему, все же потребует более весомых доказательств. Им вообще подавай железобетонные. Слишком уж надеются на технику!

Мариэтта сказала едко:

– Прямых улик!.. Но здесь столько наворочено, что на этот раз точно найдем.

Карлашев поинтересовался:

– На этот раз? Значит, он уже в чем-то был замешан?

Синенко сказал весело:

– Нет, конечно! Он всегда либо примус починяет, либо вышивает крестиком, а вокруг все зверски убивают друг друга и забрызгивают стены кровью.

– И мозгами, – добавила она ядовито.

Карлашев посмотрел на меня с великим уважением. В проем двери опасливо заглянул ящеренок, слишком много чужих людей, но пересилил страх и, стремительно преодолев разделяющее нас пространство, взбежал по моей ноге, цепляясь острыми коготками, уселся на плече, прижимаясь к моей теплой вроде бы шее, и смотрел на всех сверху уже победно и бесстрашно.

– Какой толстый геккончик, – сказал Карлашев.

– Это не геккон, – уточнил Синенко.

– А кто?

– Нильский крокодил, – пояснил Синенко. – Сейчас модно держать дома карликовых животных. Табуны коней ростом с кошек, слонов и носорогов, что мельче добермана...

Карлашев обронил:

– Я слышал насчет тираннозавра...

– Врет, – ответил Синенко убежденно. – Станут этому жуку тираннозавра восстанавливать! Подумаешь, олигарх...

Карлашев обошел меня со всех сторон, внимательно рассматривая ящеренка.

– А нельзя у него спросить? – сказал он. – Я читал где-то,

в глазах остается все, что видел... недавно. Если эта штука...

– Это не штука, – огрызнулся я, – а член моего общества!

– Но если он сидел здесь и все видел...

– То экспериментальная техника, – ответил Синенко с сомнением. – Кто нам ее даст...

– Это я не дам, – отрезал я. – Это Яшка!.. Я вас по судам затаскаю!.. В Гааге сядете вместе с Милошевичем и Ашаном Гагеным!.. А потом вас там же нечаянно удавят.

Карлашев сказал примирительно:

– Ладно-ладно, это только предположение. Что твоя дурная ящерица могла увидеть?

– Не куплюсь, – заверил я. – Видел что-то Яшка или не видел, я не разрешу спрашивать без адвоката. А его адвокат, как и папа, это я. И вообще он еще несовершеннолетний.

Мариэтта выглянула в окно, просияла так, что видно даже со спины и ниже.

– Ура, прибыли эксперты. Заберут трупы, а по ним всю подноготную этого жука узнают. Сейчас такой уровень криминалистики, по одному плевку узнают адрес и даже любимый сорт кофе!

Я буркнул:

– Это и я могу.

Карлашев заинтересовался:

– Что именно?

Я указал на ближайший труп.

– Этот вот, судя по характерной позе, в которой упал, бе-

лый мужчина, год рождения тысяча девятьсот восемьдесят пятый, февраль, двадцать третьего, дважды состоял в браке, один ребенок, прописан в Южном Бутово по улице Изюмская, дом семьсот первый, квартира сорок шестая... что блестяще подтвердится найденным в кармане убитого паспортом.

Синенко, что слушал с раскрытым ртом и все большим изумлением на лице, разочарованно хмыкнул и повернулся к Мариэтте:

– Проверь, вдруг там у него в самом деле паспорт.

Она буркнула:

– Если и есть, то фальшивый.

– Сейчас все фальшивое, – поддержал я горячо. – А в продуктах нитраты и гэмэо! Как жить, не представляю. Хорошо хоть, женщины все те же! Как были хитрыми, так и остались.

Со двора в гостиную начали заходить эксперты с чемоданчиками в руках, еще с порога достали всякую хренотень и начали то ли фотографировать, то ли просвечивать всех и вся в доме невидимыми лучами смерти.

Один, похож на их начальника, внимательно посмотрел на трупы, перевел испытующий взгляд на меня.

– Чистая работа, – одобрил он. – Высокий профессионализм!.. Давно такого не видел. Вы хозяин? Похоже, завалены заказами?

– Че? – спросил я с непониманием.

– Работу даже на дом берете, – объяснил он. – Другим

приходится выезжать на место.

Синенко попробовал вытащить нож из столешницы, не смог, покачал головой.

– Крепкие сюда явились ребята. Чем же ты их заинтересовал?

– Шутите? – сказал я нервно. – Вы смотрите, что у меня пропало!.. Столовое серебро на месте?

Он хмыкнул:

– У тебя были серебряные ложки?

– Нет, – ответил я. – Но чего же они тогда туда лазили? Вдруг да подкинули? А потом скажут, что я у них украл!.. Или это вы мне подкинули?.. Я теперь никому не верю, везде коррупция и отток капитала!

Он проговорил:

– И нарушение прав человека, верно?

– Вот-вот, – сказал я горячо, – неотъемлемых и незабываемых. Как Вандомская колонна!

Он посмотрел с недоумением.

– Что за колонна? Церетели нацеретели?..

– Откуда я знаю? – огрызнулся я. – У меня компьютера нет в линзах, даже в очках нет. Да что там компьютера, у меня и очков нет!.. Видите, какой я бедный?

Он кивнул.

– Видим. Вот только что-то у тебя есть... Может быть, бриллиантов каких-то целый мешок? Иначе чего это они так?..

– Вот и узнавайте, – огрызнулся я. – Разве не видно, что я простая божья коровка?.. Я даже голосовать не хожу, все равно за меня проголосуют, как надо и правильно!.. Я всегда согласный с линией партии и правительства. Сейчас у нас кто в правительстве?

Синенко пожал плечами.

– У Мариэтты спроси, она все знает.

– В футболе не сечет, – сказал я твердо. – Не знаю, как таких берут в детективы! Им же и в носу ковыряться нельзя разрешать, пальцы ломают.

– Это да, – согласился он, – она футбол от соккера не отличает.

Они все трое в нетерпении посматривали на экспертов, что сперва снимали все на скрытые камеры, потом долго всматривались в результаты, что выдает на экран анализатор.

Синенко не вытерпел, начал сердито сопеть, наконец сказал с угрозой:

– Ребята, если снова сели в лужу, так и скажите, бить не будем.

– Нет, будем, – сказал Карлашев.

Старший эксперт сказал со злостью:

– Дурь какая-то! Теоретически подозреваемый в самом деле мог не слышать с такими наушниками посторонние звуки!.. А нарушители в то помещение не заскакивали, это подтверждено. Но мы же понимаем, что где-то ошибка!

– Еще какая, – согласился он, – однако начальство требу-

ет, чтобы наши выводы не противоречили результатам анализатора. Там избегают конфликтов. Они скорее закроют дело, чем поставят под сомнение научную экспертизу.

Мариэтта посмотрела на меня зло, повернулась к эксперти.

– Корпорации дают, – сказала она зло. – Заставляют внедрять их разработки везде... что хорошо, но и нам надо верить! Я же чувствую, он не сидел вот так, слушая музыку!

– И я не верю, – подтвердил эксперт. – Как разумный человек, не верю. Но что делать, если мы уже в таком хай-тек-овском мире, что и сами еще не врубаемся, что в нем и как...

– И что делать?

– Мариэтта, – сказал он, – теперь косвенные улики даже не рассматривают. Раз у нас такое оснащение, то улики должны быть только прямыми и бесспорными. Даже неоспоримыми, как говорит наш шеф. Потому решайте сами, мы только технические консультанты.

Мариэтта повернулась ко мне, лицо усталое и злое, но в голосе прозвучал нескрываемый вызов:

– Придется вам, пан Евген, снова проехать в наш участок! Только, думаю, на этот раз вам не отвертеться так легко, как в прошлый раз.

– Разве я отвертывался? – спросил я в недоумении. – Я к вам со всей душой! Душа – это такая эманация...

– Тогда нет проблем, – прервала она. – Душу тоже берем. Пойдемте, господин Евген!.. На этот раз, уверена, вам при-

дется задержаться в участке намного дольше.

Синенко договорил со злорадством:

– А вернешься из него уже не в этот домик, а в другой.
С решетками на окнах.

– Это я люблю, – заверил я. – Безопасность прежде всего!

Синенко спросил быстро:

– Тебе грозят? Ты чего-то боишься?

– Я бесстрашен, – ответил я гордо. – Как лев! Но я не дурак.

Карлашев сказал в нетерпении:

– Мариэтта, отведи его в участок. Пусть посадят пока под арест... Господин Евген, не кипятитесь, мы имеем право задержать вас на пять часов без предъявления обвинения. Так что все по закону. Поедете добровольно или вас отвезти связанным...

– ...привязанным сзади за автомобилем, – добавил Синенко, – с гранатой во рту. А веревку зацепим за колечко, я это умею...

Я не удостоил его ответом, ссадил Яшку на диван, а сам вышел во двор к их полицейскому автомобилю. Мариэтта с издевательской ухмылкой распахнула передо мной дверцу.

– Не боишься, – спросил я, – что нападут по дороге?

– Я на это надеюсь, – отпарировала она.

– Мазохистка...

– Нет, – пояснила она, – в порядке самозащиты сверну тебе шею и разом закрою дело. Еще и премию получу.

– Я что, такой ценный?

– Нет, просто дело закроем.

– Бюрократы!

Я опустил на правое сиденье, она обошла машину и села за руль, красивая и надменная, а еще предельно злая, раз уж не удастся ущучить вроде бы такого простого и простодырого.

– Не гони, – сказал я заботливо, – а то ты вся на нервах...

Валерьянку пей, помогает. У тебя кошка есть?

– У меня собака, – отрезала она.

Я обрадовался:

– Здорово! У меня тоже. Правда, пока только как ящерица. Тебе Яшка понравился? Правда красивый?

Она погнала машину молча, а когда выметнулись из коттеджного поселка, буркнула раздраженно:

– Ты лучше думай, как тебе на этот раз вывернуться.

– Какая ты заботистая!

Она сказала зло:

– И теперь твое «не видел, не слышал» не прокатит.

– Я овечка, – заверил я. – А вы все сатрапы! Только и думаете! Мне что, я сижу тихо, никого не трогаю. Пользы от меня, признаю, никакой, зато и вреда нет, а это уже редкость, правда?

Она фыркнула, а я зябко передернул плечами, какой-то странный холод, с чего бы, словно даже не знаю...

Мариэтта спросила насмешливо:

– Озяб?

– Что-то подуло, – пробормотал я. – Циклон или антициклон? Разве это не дело полиции следить за погодой и осадками... Ой, это же...

Мы как раз вскочили в небольшую лесополосу, великанские деревья сомкнули над нами исполинские ветви, закрывая небо, а впереди крупный черный внедорожник резко развернулся на дороге и встал как вкопанный.

Из-за деревьев и кустов выпрыгнули двое с автоматами и в балаклавах.

Я замер, увидев нацеленные в нас два черных дула. Мариэтта вжала ступню в педаль тормоза, машина резко остановилась, ее чуть занесло боком.

Мариэтта крикнула торопливо:

– Нападение на полицию!.. Срочно бригаду спецназа!

К нашей машине подбежал человек с автоматом, сквозь узкую прорезь на меня взглянули злые глаза.

Не отводя от меня взгляда, зло крикнул Мариэтте:

– Бросьте глупости! Мы заглушили связь, можете вызывать помощь до потопа. Выйти с поднятыми руками!.. Быстро!.. Обоим!

Я сказал дрожащим голосом:

– Нужно выйти!.. Они ж такие, могут убить. Видите, что у них в руках? Смотреть страшно. Хорошо если только вас изнасилуют и убьют, профессиональный риск, вы за это зарплату получаете, а меня за что?..

Человек в балаклаве прорычал:

– Заткнись!..

Она сказала быстро:

– Что вам надо?

Он сунул ей под нос ствол автомата.

– Ваш арестованный. А вы нам неинтересны.

Она быстро посмотрела в мою сторону.

– Мы за него отвечаем!

– Он преступник, – крикнул балаклавщик. – Теперь отвечаем мы. Вытолкайте его наружу. Или опустите оружие, заберем сами.

– Нет! – ответила она.

Я прокричал:

– Тихо-тихо! Я выхожу сам. Думаю, мы быстро уладим наше маленькое недоразумение. Просто крохотное...

Мариэтта не успела и рта раскрыть, как я быстро распахнул дверцу и вывалился наружу, держа руки с растопыренными пальцами над головой.

Сзади прозвучал сердитый вскрик Мариэтты. Я поднялся на ноги и побежал в сторону балаклавщиков.

– Спасибо, что спасли!.. Менты поганые, за что они меня?.. Никого не трогал, починял примус...

Меня грубо ухватили под руки, оттащили. Я не успел вспикнуть, как один сунул под нос ствол пистолета, а другой быстро и сноровисто набросил на голову черный непроницаемый мешок и быстро завязал на шее.

– Ребята, – сказал я дрожащим голосом, – да вы что?.. Я сам либерал и власти не люблю!

Кто-то прорычал:

– А мы как раз за крепкую власть. Так что заткнись. Еще раз пикнешь, покажем кремешников...

Он не договорил насчет получить в зубы или в лоб пулю, но от этой грамотности стало еще страшнее.

Глава 9

Я ожидал, что впихнут в автомобиль, а там свалят под ноги, это чтоб на улицах камеры не засекли, но меня связали по рукам и ногам, потом попросту приподняли и свалили на твердый металлический пол, а сверху щелкнула крышка багажника.

Автомобиль рванулся с такой скоростью, что меня вжало в стенку, затем пробовало сдвигать то вправо, то влево, но я, зажатый в тесноте, уперся ногами и терпеливо ждал освобождения из темноты и затхлого воздуха.

Ехали достаточно долго. Я просто ждал, хотя, чувствую, мог бы запомнить все повороты и время между ними, но у меня ленивый мозг, а я не привык давать ему работу, сам вырубается, как электричество при высокой нагрузке.

Тормоза ни разу не скрипнули, но однажды меня ощутимо вдавило в стенку по движению авто. Хлопнули дверцы, с приятным щелчком поднялась крышка багажника, это ощутилось по свежему воздуху и слабому свету, что пробивается сквозь тонкую ткань.

– Прибыли! – гаркнул злой голос над ухом. – Брыкнешься, удушю!.. Пошел, пошел!

Я не знал, куда идти, да от меня и не требовали, это так, по привычке, потащили, как мешок с травой, без усилий. Я потерял счет времени и сколько раз поворачивали, заме-

тил только, что поднимались на лифте, потом снова тащили, наконец бросили задом на стул и умело связали ноги, одновременно примотав их той же веревкой к ножкам стула.

Испуганным прикидываться не приходится, и так трясет, но надо как-то использовать, что вижу через ткань мешка. Конечно, вижу все в сером, но достаточно четко, их трое крепких быкообразных мужиков, спецназом веет от каждого жеста. Это простым офицерам, отправленным в отставку, нормально искать работу шофером или плотником, но спецназ годами оттачивал свои навыки, им зазорно пойти на другую работу...

Эти тоже, похоже, просто сменили место работы, а так занимаются все тем же родимым делом, которое умеют делать хорошо.

Один тряхнул меня за плечо.

– Ну, язык проглотил?

Я пролепетал как можно испуганнее:

– Я вас боюсь, вот и молчу. Страшно пикнуть...

Он засмеялся с презрительным удовлетворением, кивнул второму:

– Руки привяжи покрепче. Я как раз таким испуганным не доверяю. Это лохи храбрятся, в героев играют.

У стула оказались широкие подлокотники, так что это кресло, хоть и деревянное, мои руки прижали к ним и примотали по самые локти так, что кровообращение остановилось, чувствую.

Хлопает дверь, в комнату часто входят и выходят, мелькают силуэты, наконец передо мной появился некто новый, быстро всмотрелся в меня.

– Парень, – сказал он резко, – ты нас не знаешь, как и мы тебя, но разговор не начнем, а продолжим ради экономии времени.

– Я только «за», – пролепетал я из мешка.

– Сейчас всего много, – сказал мужчина, – только времени у всех мало... Как ты уже понял, нас интересуют те бриллианты, что были на твоей девахе.

Кто-то произнес в сторонке едва слышно:

– Кремак, уважительнее.

Мужик сказал с легкой насмешкой:

– Пардон, даме. Женщина, у которой на платье такая роскошь, не может быть простой девахой. Допускаю, из высшего круга.

– Вот-вот, – сказал тот же неизвестный. – И еще неясно, кто за ней стоит. И чья любовница.

Я пробормотал:

– Почему?.. Как раз дура, ничего не понимающая в драгоценностях, может нацепить их все разом. А потом еще и выйти в таком на улицу!.. Настоящие великосветские дамы на улицах не показываются вовсе! Вы что, не знали?.. У них эти, как их, рауты...

Он умолк в затруднении, второй сказал раздраженно:

– У тебя тоже концы не сходятся.

– Потому что говорю правду, – ответил я отчаянным голосом. – Правда похожа на ложь, потому что не приукрашивают, а брехне верят больше, она правдоподобнее... Я не знаю, кто она!.. Подошла, предложила, чтобы продал в ювелирном этот камешек, мне процент, все довольны... Вы понимаете, она дура и неумеха!.. Во-первых, я вовсе не ас в таких делах, во-вторых, она сама не знала стоимости своих побрякушек... Говорю вам, где-то гробокопатели отрыли могилу каких-нибудь тутанхамонов или тамонхаимов, выгребли оттуда драгоценности и пытаются продать... Их ловите, а я человек случайный!

– Тогда тебе повезло, – сказал он.

– Ага, – ответил я нервно, – еще как! Поменяемся?

– Ха-ха, – сказал он, – но хотя это и похоже на правду, но все-таки придется переспросить уже с применением третьей степени...

– Только бы не четвертой, – сказал я. – Ту я вообще не перенесу!

Он поинтересовался:

– А что, есть и четвертая степень?

– Вот дикари, – изумился я. – Что-то с вами совсем не ладно. Да снимите этот мешок! Вам что, стыдно мне в глаза смотреть?

Они расхохотались, а я с тоской подумал, что ситуация повторяется, я снова на стуле и связан, только на этот раз неизвестно где да еще и с мешком на голове. К тому же это

точно профи из профи, даже не видя, чувствую в каждом слове и шорохе элиту спецназа.

С мешком на голове я вижу только синие силуэты, странно смотреть, как они передвигаются в совершенно пустом пространстве, даже под ногами пустота, могу только догадываться, что там пол.

Даже непонятно, каков размер комнаты, хотя, судя по тому, где сидят эти Кремак и его напарник, понимаю, комнатка не меньше чем метров сорок.

Вскоре сообразил, где дверь, меня посадили к ней лицом, открывается бесшумно, но Кремак задержался в том месте на мгновение, а потом его напарник.

Более того, в этом месте блеклые голубые силуэты становятся синими, что значит, из коридора или другой комнаты, где выглядят голубыми, входят в эту...

Судя по силуэту, в комнату вошла женщина, но современная женщина: прямые плечи спортсменки, тонкая в поясе, широкие бедра, длинные ноги, то ли голая, то ли в обтягивающем тело костюме, многие теперь их носят, показывая товар лицом.

– Этот? – произнесла она низким женским голосом, что снова входит в моду, он считается чувственным, но это смотря на чей вкус, я предпочитаю пищащие.

– Он самый, – ответил мужик, который Кремак. – Но, мне кажется, это все-таки случайное существо...

– Узнаем, – сказала она холодно и, приблизившись ко мне, произнесла раздельно и четко все тем же низким голосом: – Кто ты и что ты?.. Молчишь?.. Хорошо, тогда сразу к делу. Как к тебе попал тот бриллиант?

Я сказал отчаянным голосом:

– Зачем вам этот мешок на мне? Вы что, не хотите, чтобы я видел ваши красивые глаза?

– Ты знаешь, – сказала она нетерпеливо, – зачем мешок. Отвечай быстро.

– Да? – спросил я. – А то я подумал, вам стыдно мне в мои честные глаза смотреть!.. Погодите, не бейте, тот камень мне дала женщина! Стыдно, конечно...

Она покачала головой.

– Почему стыдно? Ты шовинист?.. Расист? Сексист?..

Я сказал тоскливо:

– А вы следователь или феминистка?

– Следователь, – отрезала она. – Но ты за языком следи. Она тебе подарила? Тебе?

– Не подарила, – ответил я нехотя, – а сунула и сказала, чтобы я подержал его у себя немного. Спросил, сколько это немного, она сказала, что через пару часов заберет.

– И что, не забрала?

Я покачал головой. Она проговорила задумчиво:

– Значит, уходила от преследования... Сунула тебе, как самому заурядному, что даже украсть побоится, а через пару часов собиралась перехватить тебя снова и взять обрат-

но... Что могло с нею случиться? Нарисуй ее портрет!

Она зашла со спины, как и Кремак, он, стоя за спиной, стащил с моей головы мешок.

– Оглянешься, – прошипел мне в ухо, – убью!

Через голову мне подали планшет, я сказал жалко:

– А руки?

Она промолчала, а Кремак хмыкнул:

– Даже обе?.. Не дури, кисти свободны.

– Тогда такое накорябую, – сказал я испуганно. – Я же хотел как лучше...

Планшет в руку взять могу, но пальцами другой не дотянусь, потому Кремак держал его для меня, а я водил указательным, зажмуриваясь и старательно напрягая воображение, а когда приоткрывал глаз и посматривал, там уже появлялось лицо Орландии, королевы Нижних Долин, пока еще не очень точное, но уже узнаваемое.

Женщина за моей спиной проговорила задумчиво:

– Сильная... волевая... решительная... такая вполне может стоять даже во главе международной группы по сбыту драгоценностей.

– Женщины все такие, – поддержал я с жаром, – у вас нет никаких нравственных ценностей!.. В смысле, у них, вы же точно не женщина!

Кремак молча передал ей планшет, а сам набросил мне на голову мешок. Женщина вышла из-за спины, в руке все еще раскрытый планшет.

– Покажу шефу, – сказала она. – А ты пока побудь с ним.
– Глаз не спущу, – пообещал он.

Я смотрел, как ее силуэт перемещается в сторону двери, ровно и нацеленно, никакого двигания бедрами, страшная женщина. Кремак тоже провожал ее взглядом.

Она вышла, он повернулся ко мне.

– Скоро она тобой займется, – пообещал он недобрым голосом.

– А пока не спускай с меня глаз, – напомнил я. – А то возьму и сбегу.

– Иди к черту, – сказал он и отвернулся.

Вроде бы самый подходящий момент, на моей голове мешок, я поник и раздавлен, а этот громила повернулся в сторону двери.

Сосредоточившись, я ощутил в правой ладони недобрую тяжесть пистолета, повернул ствол, целиться с двух шагов особенно не нужно, трижды нажал на спусковую скобу, посылая пули в середину спины.

Выстрелы прозвучали негромко, то ли мешок виной, то ли пистолет на глушителе. Синий силуэт завалился лицом вперед.

Я быстро опустил ствол, почти уперев в веревки на ногах, выстрелил раз и еще раз, после чего испуганные ноги разбросало в стороны с такой силой, словно я князь Игорь, привязанный древлянами за вершинки сосенок.

Дверь распахнулась, появился массивный синий силуэт.

Я выстрелил, целясь в середину, и когда этот силуэт рухнул, я с трудом встал и в согнутом положении подбежал к нему на одеревеневших ногах вместе со стулом.

Он корчился в агонии, я быстро присел рядом, уперев пистолет ему в висок.

– Так, – сказал я быстро, – ты профи, а я суперпрофи. Мешок мне нипочем, дуло у твоего виска, не так ли? Медленно вытащи нож и перережь веревку на моих руках. Но смотри, чуть дернешься...

Он прохрипел:

– Я умираю...

– Сюда уже мчится спецназ, – заверил я. – Тебе окажут помощь. Хорошие профи всем нужны.

Он вытащил нож, глаза только раз зыркнули на мой палец, что уже вжал курок до половины, осторожно провел отточенным до остроты бритвы лезвием по шнуру. Тот лопнул с такой силой, что я от неожиданности нажал на спуск.

Выстрел грохнул чересчур громко, а я, вот уж не ожидал от себя, успел отшатнуться от брызг крови, словно от всеиспепеляющих капель радиоактивного яда.

– Блин, – сказал я виновато, – прости, я не хотел...

Опустив пистолет на пол, я быстро схватил из его ладони нож и быстро-быстро перерезал веревку на другой руке. Кресло с грохотом упало за спиной на пол, я торопливо перерезал шнур на загравке.

Мешок полетел в сторону, в глаза ударил яркий свет.

Я подхватил пистолет, чувствуя, как сразу прибавилось надежности и уверенности от прикосновения холодного тяжелого металла, ринулся к двери, закрыл и только тогда осмотрелся еще раз, уже основательнее.

В комнате ничего лишнего, мебели минимум, но даже сам воздух пропитан деньгами и достатком, а от стен несет непререкаемой властью.

В коридоре простучали шаги, две голубоватые фигуры подбежали к двери, одна встала с одной стороны дверного проема, другая с другой и начали быстро обмениваться знаками. Понятно, распределяют, кто резко откроет дверь, кто сразу же стреляет в распахнутый проем, а кто прыгает вперед, тоже стреляя из автомата или что это у него в руках, держит как-то не так...

Я быстро выстрелил в правую фигуру с двух шагов, затем в левую. Пули пробили декоративные стены с легкостью, обе фигуры опустились на землю. Все правильно, я не могу состязаться в скорости и точности с профи, а так вот всего лишь уравниваю шансы.

Осторожно выглянул, подобрал их пистолеты, та же марка и тот же калибр, прекрасно, свой распылил, а то еще исчезнет в неподходящее мгновение...

Коридор, широкий и шикарный, на стенах картины в массивных позолоченных рамах, в нишах мраморные статуи. И ковровая дорожка очень уместная, шаги по ней совершенно бесшумные, иду как по лесу, где земля покрыта толстым

красноватым мхом.

Впереди слышались шаги. Я поспешно дернул ручку двери ближайшей комнаты, заглянул туда и сразу юркнул вовнутрь с сильно стучащим сердцем, а дверь притворил как можно быстрее и бесшумнее.

Глава 10

Это больше похоже на гостиную, вторую или третью, для особо близких гостей, все-таки, на мой взгляд, гостиная должна быть внизу, а эта и меньше по размерам, и богаче, словно в расчете на то, что гости тоже люди богатые, и никто не станет воровать эти предметы искусства или разбивать древнекитайские вазы.

Сильный злой голос крикнул:

– Эй!.. Давай договоримся!

– Давай! – крикнул я и на всякий случай отбежал на цыпочках от того места, вдруг да бросят гранату, у них дури хватит попортить такую красоту и такую мебель.

– Ты сдаешь нам твоих хозяев, а мы даем тебе уйти!

– У меня есть встречное! – крикнул я.

– Говори!

– Вы все убьетесь, – крикнул я, – потому что в плен мне брать не с руки!

В ответ прогремела брань, что хорошо, пусть бесятся. Хотя трусить тоже плохо, но в такой ситуации трус предпочтительнее, он все старается с перепугу предусмотреть и от всего уберечься...

Сзади резко пахнуло холодом. Я резко развернулся, пистолеты в обеих руках, и как только из боковой двери выскочил крупный мужик, я выстрелил из обоих пистолетов...

как мне показалось, даже на мгновение раньше, чем он показался наружу.

Он так и пронесся дальше, где и грохнулся в трех шагах, мордой проехал по полу до самой стены. Я с бешено стучащим сердцем повернулся к двери, за которой маячили два голубых силуэта, и всадил в голову каждой из них по несколько пуль. Переступив через распростертые тела, пробежал по коридору к широкой парадной лестнице, где можно ехать по четыре коня в ряд, не касаясь стремян, услышал там крики и командный голос и почти сразу увидел бегущих вверх людей.

Прижавшись к стене, я выставил перед собой оба пистолета и часто-часто давил на скобы. Грохот выстрелов слился в сплошной треск, а на ступеньках бегущие падали лицом вниз, повисали на перилах, только двое попытались выхватить пистолеты и открыть стрельбу, но я стрелял и стрелял, один успел выстрелить дважды, пули ударили над моей головой, а второй нажал на скобу, когда уже валился с пробитой грудью на перила.

Я выскочил на лестницу и побежал вниз, настороженный как зверь. Дважды ощутил холодное дуновение и оба раза успел выстрелить раньше, чем выстрелили в меня.

Но ниже этажом, чувствуется по нарастающему холоду, меня ждут несколько человек, а если у них автоматы, у меня шансов нет вообще.

Я подергался на месте, не зная, куда бежать, но если этот

особняк такой громадный, то вряд ли только это единственный вход-выход. Наверняка один парадный, а пара попроще – для обслуживающего персонала. Да и вообще если парадный вход со стороны улицы, то еще пара должна вести во двор, в сад, к бассейну, если он тут есть...

Ориентировался по чутью, честно признавшись перед собой, что мозги у меня что-то сейчас не очень. Вообще-то я гений, но иногда туплю, а чутье, как бы чутье, не спит, потому что не от испорченного цивилизацией человека, а от зверя.

Промчавшись по коридору в обратную сторону, увидел лестницу попроще, сбежал на один пролет, увидел выскакивающего человека с пистолетом в руке, он смотрел перед собой и меня не видел, а когда услышал топот и вскинул голову, я уже выстрелил в него трижды.

На этом этаже я побежал снова направо, почуял впереди людей, заскочил в приоткрытую дверь, комнатка просто спальня для гостей, прислушался, а когда мимо пробежали двое, я высунулся в коридор и выстрелил им в спины.

Они рухнули, я побежал, перепрыгнул через их тела, на всякий случай засадил по контрольной пуле в головы, но у лестницы затих какмышь, прокрался, чувствуя, как снизу веет характерным холодом.

Чей-то злой голос проорал далеко внизу:

– Быстрее заканчивайте!.. Мы не можем ждать!.. Зверев, возьми бойцов и выбей его оттуда!..

Другой голос ответил едва слышно:

– Сделаю.

– Не можешь взять живым, просто убей.

Голос Зверева ответил чуть живее и с явным облегчением:

– Сделаем!.. Группа, за мной.

Я стоял за выступом стены, прислушивался. Снизу нарастает тяжелый топот, я собрался, задержал дыхание и, чувствуя, как от ускорения чуть не рву мышцы и сухожилия, высунулся из-за выступа и сразу же начал палить из обоих пистолетов.

Через секунду, а это много, я дернулся обратно, а край угла стены как срезало злыми визжащими пулями, во все стороны полетели куски штукатурки и каменной крошки.

Снизу этот Зверев крикнул взбешенно:

– Да кто ты, черт бы тебя побрал?.. Нам нужен только адрес! Скажи – и дадим тебе уйти живым!

– Щас, – ответил я нервно. – Щас вот и поверю... Я ж доверчивый!

Он прокричал:

– Да пойми ты... Ты нам не нужен!

– Ну вот, – сказал я саркастически. – Опять я никому не нужен...

– Тварь!

Я крикнул, быстро нагляя:

– Люди вам не нужны, только вещи! Как не стыдно?

Не дожидаясь ответа, я отбежал на цыпочках и, юркнув

в ближайшую комнату, торопливо развернулся в сторону двери. Как и ожидал, Зверев не выдержал такого бесстыдства и с уцелевшими из команды одолел последний пролет лестницы, готовый получать пули и стрелять в ответ.

В коридоре пусто, по обе стороны двери в комнаты я видел, как синий силуэт взмахом руки послал двоих в сторону ближайшей двери, прочесать нужно будет все комнаты. Мало шансов, что я именно в этой, любой старается отбежать подальше, это инстинкт, но я тоже понимаю, что иногда нужно делать то, что говорит разум, а не инстинкт.

Я дождался, когда подбегут и встанут по обе стороны, в неподвижные цели уже не промахиваюсь, вскинул пистолет и тщательно прицелился, понимая, что если промахнусь, шансы мои рухнут, как гири на дно Марианской впадины.

Третий голубой силуэт, это наверняка уже сам Зверев, быстро набирая синеву, приближается тоже в сторону двери, что значит, кто-то из них распахнет, кто-то ворвется, другие будут прикрывать непрерывным огнем.

– Щас, – прошипел я, – как же, я вам не нужен...

Сцепив большие пальцы, я быстро нажал на оба курка, всадил в того, что справа от двери, две пули через стену и тут же выстрелил во второго, пока тот не понял, что случилось.

Их вожак как раз неся к двери, намереваясь вскочить в уже распахнутую для него напарниками, перевернуться там кувырком, избегая выстрелов, а там уже огонь из трех

автоматов остановит любого слона...

Он почти ударился с разбега о так и не распахнувшуюся для него дверь, а я со злым удовлетворением дважды выстрелил, целясь повыше груди на тот случай, если у него бронжилет.

Четыре пули продырявили дверь так близко одна к другой, что я мог бы закрыть все отверстия ладонью.

Пинком распахнув дверь, я выскочил, перепрыгнул через тела, подошва поехала, как по льду, поскользнулся так, что если бы не врезался в стену напротив, то даже не знаю, что меня бы остановило.

По коридору пронесся как испуганная мышь, услышал снизу по лестнице топот и голоса бегущих наверх людей, поспешно дернул дверь снова ближайшей комнаты и вскочил вовнутрь, готовый стрелять во все, что шелохнется.

На тахте испуганно взвизгнула молодая женщина, с виду типичный эскорт высшего класса для самых богатых и щедрых: идеально выверенная фигура с вот такими, изысканными формами лица аристократки, но как только открыла рот, я сразу понял, что она из Рязани.

– Ой, – вскрикнула она перепуганно, – вы грабитель?.. Берите все, что хотите...

– ...а оставьте только деньги, вещи и жизнь? – досказал я.

Она ответила чуть смелее:

– Да...

– Лежите-лежите, – велел я, видя, что она делает движе-

ние подняться. — Вы же лежать умеете?.. Ну вот, это самое главное для таких шикарных женщин.

Одновременно я быстро оглядывал роскошную комнату, богато уставленную мебелью. Блин, а тут любители японского стиля, всякая хрень на стенах, на полу циновки, комната разделена расписной стеной из бамбука. Я пошел на цыпочках, на той стороне стены появились два слабо голубых с синим силуэта.

Я едва не выстрелил, но они остановились, один взмахивал рукой, и постепенно к ним присоединялись еще и еще, я насчитал семь силуэтов.

Тот, кто подавал знаки, взмахами руки послал двух в одну сторону, двух в другую...

Не желая их упускать, я присел под защитой мраморного пьедестала с огромной узорной чашей и, прицелившись в двух крайних справа, что вот-вот исчезнут из поля зрения, снова выстрелил сразу из двух пистолетов, потом еще раз, и тут же перенес огонь в двух крайних слева.

Женщина на тахте немзыкально завизжала, чувствуется не просто Рязань, а пригород, а то и село. Те и другие боевики упали, а старший с тремя другими присели и открыли беспорядочный огонь тоже сквозь стену. Я стрелял и стрелял по этим силуэтам, над головой звякнула ваза, осколки посыпались на голову.

Две пули с сухим треском откололи мрамор на пьедестале, а я все стрелял, хотя уже все противники распростерлись

на полу, включая и ту троицу с главным.

– Ага, – прошептал я люто трясущимися от ужаса губами, – а если кто прикидывается?

Женщина визжать перестала, я удивленно оглянулся, по идее, она должна бы вопить по-рязански беспрерывно как пароходная сирена, однако она лежит вся в крови, рука бессильно свесилась до полу.

– Извини, милая, – проговорил я с чувством вины, – но у тебя это профессиональный риск. Большие деньги – большая опасность.

Выскочив в коридор, я на всякий случай тут же всадил еще по пуле в голову каждого и, пробежав мимо стены, обнаружил в конце коридора винтовую лестницу, явно для персонала, помчался по ней, но не слишком, надо успевать увидеть врага или хотя бы ощутить присутствие раньше, чем он обнаружит меня.

Чутье снова заставило остановиться, тут же услышал снизу быстрые шаги. Поднимаются двое, я огляделся затравленно и, увидев рядом дверь на пролете, быстро открыл ее и юркнул туда в узкий коридор, прикрыв за собой тихонько-тихонько.

Коридорчик привел в огромную бильярдную комнату, массивный королевский стол о восьми резных ножках и точно восьмифутовый, на стене догорающая кийница, хотя у нас называется почему-то киевница, будто ее делают в Киеве, даже светильники и вешалки подобраны или даже изготовле-

ны в тон бильярдному столу: зеленые стекла и коричневые стойки.

На той стороне расположился такой же массивный домашний бар: широкая тумба до пола, сверху аппаратура для приготовления сложных коктейлей.

Мелькнула мысль нырнуть за бар, но там как раз и будут искать сразу, окажусь в ловушке, потому отбежал и присел за столом, хотя там долго не просидишь тоже, между ножками все просматривается.

В комнату красиво вбежали трое и, выставив автоматы, начали настороженно осматриваться, двое тут же двинулись к бару, третий, прикрывая их, водил автоматом во все стороны.

Выждав момент, когда ствол пошел в другую сторону, я приподнялся и выстрелил из обоих пистолетов. Он судорожно дернулся, а двое напарников, не делая лишних движений, стремительно метнулись за бар.

Я перевел дыхание, сейчас они оттуда откроют огонь, а бильярдный стол меня не спасет, за резную ножку не слишком-то спрячешься, пусть даже у стола их восемь.

Ухватив шар, я швырнул его на ту сторону бара, заорав вдогонку:

– Получи, фашист, гранату!

Там не успело удариться, как оба боевика выпрыгнули кувырком и закрывая ладонями головы.

Я выстрелил дважды из обоих пистолетов. Даже по дви-

гающей цели не промахнулся с такого расстояния, а когда оба рухнули и распластались в лужах крови, на всякий случай всадил по контрольному и побежал на цыпочках, а в черепе стучит отчаянное: да сколько же вас здесь, я на третьем этаже, судя по виду из окон, добраться до первого не легче, чем на своих двоих добежать до Ливии.

Еще один орел по дороге, лупит из автомата так долго, словно и у него бесконечные патроны. Я отполз за ту часть стены, что считается несущей, и ждал. Наконец он перестал стрелять, сменил рожок и сбежал вниз по лестнице.

Сквозь стену голубоватый силуэт едва виден, я дважды поднимал пистолет, но здесь не американский домик, который легко проткнуть пальцем. Каменную кладку боярской усадьбы вряд ли прошибу, потому выждал, когда он крадучись подошел к двери, и быстро выстрелил трижды.

Сквозь дыры в двери видно, как он рухнул на пол. Не опуская пистолеты, я побежал по лестнице вниз, чуть было не помчался на первый этаж, но там голоса, кто-то заметил меня и дважды выстрелил.

Пуля свистнула угрожающе близко, я отпрыгнул, ноги сами по себе приняли решение, и меня снова попятало в коридор второго этажа. По лестнице взбегают двое или трое, я поспешно взялся за ручку двери, не выпуская пистолета, в другой руке пистолет готов к стрельбе...

Рывком распахнул, у дальней стены женщина стоит ко мне спиной у открытого сейфа. Я узнал моментально, эта та, что

допрашивала меня еще с мешком у меня на голове и для которой я рисовал на планшете, очень хорошо запомнил ее фигуру сзади, когда она красиво удалялась к двери...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.